

Имитация. Насмешка Купидона

Автор:

[Алекс Д](#)

Имитация. Насмешка Купидона

Алекс Д

Купидон #2

Месть, страсть, ненависть, интриги и любовь в криминальном закулисье преступных корпораций.

Идеальная женщина – мечта или реальность, доступная для узкого круга владеющих секретом загадочного препарата "Купидон"?

Способна ли волшебная таблетка сделать женщину по-настоящему счастливой, или для этого ей необходимо нечто совсем другое? И если ты держишь в своих руках тот самый секрет на миллион, сможешь ли устоять, чтобы не попробовать хотя бы раз?

Алекс Д

Имитация. Насмешка Купидона

В создании обложки использовалось фото авторов: rina Bg и LightField Studios с сайта: <https://www.shutterstock>

?

«Он отказывается жить по правилам, установленным другими, – правилам, навязывающим ему на каждом шагу поражение. Конечная цель у него – все-таки войти в это общество, но сохраняя за собой известное могущество, ибо того, кто беззащитен, общество не защищает. А пока что он руководствуется своими собственными понятиями о нравственности, которые ставит гораздо выше узаконенных.»

М. Пьюзо «Крестный отец»

Пролог

– Начинай действовать. Время на исходе.

– У меня нет уверенности, что твой план сработает.

– Ты помнишь правила?

– Слишком поздно. Надо было начинать раньше. Он сильнее, чем мы думали.

– Понятие силы абстрактно. Любого можно разрушить, каким бы сильным и несокрушимым он себя ни считал. Найти слабое место несложно, главное правильно расставить акценты и рассчитать удар. И поэтому я говорю: время пришло.

– Что нужно сделать?

– Не промахнуться, только и всего.

– А как насчёт моих условий?

– Одного условия. Я выполню его. Не сомневайся.

– Это будет больно.

- Значит крепись. Игра стоит свеч, не так ли?

- Зачем ты это делаешь?

- Ты узнаешь, когда все закончится. Ты узнаешь, когда все закончится, если не поймешь раньше. Но ты не поймешь.

- Мечь?

- На самые страшные преступления нас толкает не мечь, а чувство, куда более разрушительное - одиночество.

Канарские острова. О. Тенерифе.

Звук вертолетной вертушки Элизабет Флloyd услышала не сразу. Рассеянное сознание с трудом воспринимало внешние факторы и раздражители. Она подняла голову, только когда шум рассекающих воздух мощных лопастей стал оглушительным. Повернувшись, девушка с трудом встала на ноги, опираясь ладонями на стекло. Большой, стального цвета вертолет с красными полосками и надписями, оборудованный понтонами, сел прямо на воду на расстоянии пятидесяти метров от примыкающей к берегу небольшой прямоугольной пристани. Как замороженная, Элизабет Флloyd отрешенно наблюдала, как железная огромная птица медленно приближается, разгоняя вокруг себя волны потоками воздуха, выпускаемыми вращающимися лопастями. Ее заторможенные реакции являлись последствиями шока и морального истощения. Она едва держалась на ногах, быстрое прерывистое дыхание срывалось с губ. Озноб не отступал, усиливаясь с каждой минутой, заставляя стучать зубы. Ее хлопковая майка и джинсовые шорты высохли за ночь, но она все равно чувствовала себя так, словно ее накрыло ледяной волной. Мысленно Элизабет все еще была там, в океане, беспомощно барахтаясь в воде и глядя, как огонь пожирает последние обломки яхты, черный дым, копоть, пепел...

Вертолет максимально подплыл к пристани. Металлическая дверь автоматически поднялась вверх, выпуская троих мужчин в непривычных этому району черных безупречных костюмах и закрытой кожаной обуви. Они стремительно направились к ступеням, ведущим наверх, к дому,

замаскированному под обычную рыбацкую хижину, а внутри оборудованную по последнему слову техники. Элизабет видела, как они поднимаются: высокие, крепкие, излучающие опасность, уверенность, силу, но ничего не предпринимала. Да и что она могла сделать? Одна против троих мужчин. Их цель – убить или спасти – одно из двух. Жить гораздо проще, когда количество вариантов ограничено. Где-то под ногами рядом с пультом валялся пистолет, которым она умела пользоваться, но девушка не спешила наклоняться за оружием. Все казалось бессмысленным. Что может быть страшнее, чем взорвавшаяся на твоих глазах яхта с близкими людьми на борту?

Однако когда до дверей дома осталось десять или чуть больше ступеней, страх пришел, он обрушился на хозяйку дома лавиной, прошелся дрожью вдоль позвоночника, и оказалось, что умирать она еще не готова. Суровые сосредоточенные лица надвигающихся мужчин не внушали никакого доверия или надежды на то, что за ней явились спасатели. Да, у них не висели на плече автоматы, и незнакомцы не выглядели, как головорезы и беспредельщики, но опасность очень часто замаскирована под цивилизованными масками, облаченными в дорогие дизайнерские костюмы. Девушка почувствовала, как гулко и быстро забилось сердце в груди, вернулась ясность мысли и осознанность происходящего. Страх запустил мощный выброс адреналина в вены, наполнив тело энергией.

«Идиотка, чего ты стоишь!» – мысленно влепила себе пощечину. Посмотрев вниз, на приближающихся незнакомцев, бегло оценила расстояние. Черт, времени мало. Элизабет подняла пульт, нажимая кнопку, запускающую механизм закрытия бронированных рольставней вдоль всего дома. Схватила пистолет, прячась за металлическую перегородку, отсекающую кухонную зону от гостиной. В помещении становилось темно, как ночью. Твердые шаги непрошенных гостей все ближе, громче. У самой двери. Она слышала, как пугающие уже только своим видом люди переговаривались вполголоса, но не разобрала ни слова. Возможно, кто-то из мужчин успеет пройти до того, как ставни закроются. С одним она справится. Ну или попытается. Почему бы не попалить напоследок? Она еще ни разу не стреляла в живую мишень. Только в нарисованную. Неужели пригодятся навыки, до этого момента считавшиеся бесполезными? Нервно усмехнувшись, девушка вспомнила, что не надела линзы, и вряд ли сможет попасть в цель, но попытаться стоит. Ей нечего терять, кроме собственной жизни. Стоило затаить дыхание, как стали слышны шум, скрежет и скрип со стороны входной двери. Элизабет проверила наличие патронов и двумя руками обхватила пистолет, не собираясь сдаваться без боя.

То, что внутри кто-то есть, она почувствовала по тому, как встали дыбом волоски на собственном затылке. Пришлось сильнее сжать оружие, вслушиваясь в каждый шорох в окутанном мраком доме. Свет включался либо пультом, либо хлопком в ладоши. Она аплодировать точно не собиралась. В темноте у нее больше шансов выстрелить первой, но гораздо меньше – попасть.

Первый шаг мужчина сделал спустя тридцать секунд, в течение которых Лиз вся покрылась холодным потом. Потом еще и еще один. Словно перепуганный зверек осторожно выглянула из-за перегородки и смогла разглядеть темный силуэт. Спряталась обратно. Врут, когда говорят, что в темноте все кошки серы. Они черные. У черного огромное количество оттенков цвета. Куда больше, чем у знаменитого серого. Если поразмыслить, то и сам серый является оттенком черного, его тусклой тенью. Черт, о чем она думает?

– Эби? – спокойный мягкий мужской голос разрезал тишину, едва не заставив девушку подпрыгнуть от неожиданности. Ха, так и повелась. Если вычислили, значит, все о ней знают. И имя в первую очередь. Придумай что-нибудь другое. Те, кому она доверяла, точно начали бы не с озвучивания очевидного факта.

– Не прячься, Эби. Тебе нечего бояться, – продолжил незнакомец. Приятный голос и в тоже время твердый, уверенный. – Я получил твое сообщение. Я знаю, что ты здесь. Я приехал за тобой, чтобы увезти в безопасное место.

Девушка напряглась. Это уже ближе. Сообщение получили два человека. Доверенное лицо отца и Джером. Но ни тот, ни другой не были тем, кто говорил сейчас с ней.

– Эби?! Не прячься от меня, – снова позвал мужчина, делая еще несколько шагов. Девушка услышала его тяжелый вздох и потом... хлопок. Свет вспыхнул автоматически, ослепив Элизабет и вызвав волну паники. Она выскочила из своего укрытия и направила обоими руками пистолет на незнакомца с отчаянным воплем:

– Стоять, на хрен, мозги вышибу, – кажется, она слышала нечто подобное в фильмах. Звучало внушительно и пугающе.

– Эй, крошка, я без оружия!

Удивить удалось точно, поняла девушка по тому, как парень в костюме резко остановился, поднимая вверх руки ладонями вперед.

– Никакая я тебе не крошка, мудака, – рявкнула она свирепо, откидывая за спину густые волосы и глядя в синие глаза, наблюдающие за ней с серьезным сосредоточенным выражением. Не опуская пистолет, девушка сделала шаг назад, напряженно разглядывая незнакомца с поднятыми руками. Он выглядел молодо и чертовски привлекательно для киллера или наемника. Легкая щетина, правильные черты лица, красивые скулы, глаза, губы. Все красивое, даже стрижка. Выбритые виски, удлинённый вверх, уложенный с нарочитой небрежностью. Смущало только выражение лица: жесткое, не по возрасту суровое. И взгляд острый, тяжёлый, вызывающий внутреннее смятение и еще какое-то тревожное ощущение....

– Эби, – что-то мелькает в глазах незваного гостя, когда он снова делает шаг в ее сторону – усталость, боль, тоска с примесью все того уже удивления. И она застывает, не пытаясь и дальше махать пистолетом, угрожая расправой. Девичий взгляд мечется по мужскому лицу, по высокой спортивной фигуре, просматриваемой даже под строгим дорогим костюмом. Не во внешности, не в голосе, а скорее на уровне подсознания и инстинктов она ощущает нечто знакомое в стоящем напротив молодом парне с взрослыми уставшими глазами, и узнавание разрастается с каждой секундой, заставляя сердце сжиматься от надежды.

– Не на такую встречу я рассчитывал, сестренка, – произносит он, опуская левую руку и потирая подбородок правой. Ее взгляд устремляется к его пальцам, пистолет падает на пол, вывалившись из ослабевших ладоней, чудом не выстрелив при ударе. Несколько секунд она потрясённо смотрит на парня, а потом с разбегу бросается на шею, обнимая за плечи обеими руками.

– Никакая я тебе не сестренка, – со слезами на глазах бормочет девушка и, разразившись рыданиями, прячет лицо на каменной груди, уткнувшись носом в ямочку под горлом.

– Ты забыла добавить «мудака», – произносит он, одной рукой гладя ее содрогающуюся от всхлипываний спину, а другой утешающе водя по длинным черным волосам.

– От тебя пахнет сигаретами и морем, – затихнув, приглушенно бормочет она. Слезы облегчения насквозь промочили его пиджак и рубашку.

– Я летел над океаном и курил, – наклонив голову, Джером устало улыбается в ее волосы. Девушка поднимает голову, отстраняясь и все так же внимательно изучая его лицо. Он убирает спутанные волосы за ее маленькие ушки, проводит указательным пальцем по щеке, стирая стекающую слезу. Сердце ее сжимается от нового приступа боли, усилившейся стократно в безопасных крепких объятиях человека, которого она уже и не надеялась увидеть.

– Я чуть тебя не убила, – вздрогнув от собственных слов и их смысла, прошептала Лиз. В его глазах застывает гнетущее нечитаемое выражение. Он выглядит ожесточенным, озлобленным, полным внутренней ярости, сдерживаемой только присутствием девушки.

– Поверь, ты сделала бы мне одолжение, – тяжело вздохнув, произносит Джером, скользнув по ней беглым взглядом. Она снова прижимается щекой к промокшему пиджаку, слушая громкое и как ни странно успокаивающееся биение его сердца.

– Что происходит, Джерри? И когда это кончится? – задается она вопросом, хотя уверена, что у него нет на него ответа.

– Нам нужно уходить. Нет времени на разговоры. Дом заминирован? – он отстраняется, берет девушку за руку и ведет к дверям. Она согласно кивает:

– Да.

– Подними ставни. Ничего не бери, Эби. Только себя, – его губы изгибаются в улыбке, но взгляд остаётся серьёзным и сосредоточенным. Джером останавливается возле заблокированного входа, наблюдая, как Лиз управляет с пультом.

– Меня зовут Элизабет Флloyd, – сообщает она, поднимая голову и глядя в синие глаза.

– Я знаю, Эби. Пришло время и мне представиться... Меня зовут Джером Морган, – когда он произносит слово Морган, собственный рот кривится в пренебрежении.

– Я знаю, – она опускает длинные черные ресницы, влажные и тяжелые от слез. Комнату постепенно снова наполняет солнечный свет.

– Как много? – хмурится Джером, пристальнее всматриваясь в черты ее лица и крепче стискивая в пальцах хрупкое запястье. Она бросает на него задумчивый взгляд и отводит в сторону.

– Все, что знал отец, – едва слышно говорит Элизабет и отступает в сторону. Рольставни полностью поднимаются, и девушка толкает стеклянную дверь.

Они выходят из дома вместе. Снаружи их ждут молчаливые, brutальные и серьезные «люди в черном». Вблизи они вовсе не кажутся похожими. Один абсолютно лысый, огромный качок средних лет со шрамом вдоль виска и на нижней губе, другой более поджарый, с коротко стриженными волосами и проглядывающими татуировками на висках. Обоих суровых мужчин объединяет исключительно военная выправка и цепкий пронзительный взгляд. И черный костюм, разумеется. Кстати на Джероме все-таки не черный, а темно-графитовый и синяя рубашка под цвет глаз.

– Все в порядке? – спрашивает лысый. Джером коротко кивает.

– Уходим, – добавляет твердым тоном.

– Секунду, – Лиз поворачивается к дверям и набирает на сенсорном замке комбинацию цифр, потом к круглому датчику подносит кончик указательного пальца. – Все. У нас десять минут.

Когда скрытая между скал небольшая хижина с буро-красной черепицей взрывается, охваченная пламенем, и разлетается на обломки, вертолет уже находится высоко в небе. Снова черный дым и пепел. Элизабет вздрагивает, спрятав лицо на плече Джерома, и он мягко обнимает ее в ответ, не произнося ни слова утешения. Сидя рядом, рука в руке, они оба понимают, что в некоторые

моменты слова не способны выразить то, что жжет в груди и рвет душу на части. В некоторые моменты молчание кажется священным и дарующим временную анестезию, действие которой скоро закончится, и тогда придет время разговоров, долгих, выматывающих и болезненных.

Беззвучные слезы снова потекли из-под зажмуренных век, но сейчас это были слезы облегчения. Ее жизнь разрушена и покрыта слоем пепла и черной пыли. И только время покажет, хватит ли у нее сил на новые испытания и сможет ли она смириться с понесёнными потерями.

Глава 1

«Бывают на свете люди, которые ходят и просят – прямо-таки требуют, – чтобы их убили... Люди этой породы топают по земле, вопя: «Вот он я! Убейте меня!» И в желающих, как правило, нет недостатка. Мы каждый день читаем про это в газетах. Естественно, что люди этой породы приносят и другим много вреда.»

М. Пьюзо «Крестный отец»

4 дня назад

– Я хочу задать еще один вопрос. Далекое не последний, но очень часто всплывающий в последнее время. И рассчитываю на подробный и честный ответ.

– Все, что угодно, – согласно кивает Квентин.

– Расскажи мне об обстоятельствах роковой сделки Кертиса Моргана, ставшей причиной его задержания. Я рассчитываю на достоверную информацию, а не сухие факты, указанные в официальных источниках. Расскажи мне о Купидоне, Квентин.

– Откуда ты узнал о нем? – во взгляде Моро появилось колющее напряжение. – Это закрытая информация, Джером.

– Земля полнится слухами, Квентин. Несколько дней назад умерла одна из моих горничных, которая выполняла широкий спектр услуг. Когда-то она была подарена моему отцу и перешла мне по наследству. Удивительно, правда? Девушка упомянула Купидон перед смертью. И у меня есть подозрение, что она могла быть отравлена этим препаратом.

– Нет. Отравление невозможно. Не Купидоном. Скорее всего, она употребляла дешевый аналог, – сканируя меня пристальным взглядом, категорично возразил Моро. – А потом ей перестали его поставлять. Отказ от них вполне способен вызвать ряд побочных эффектов, включая летальный исход. Распространенные последствия: шизофрения, нервные расстройства, постепенный, либо резкий отказ всей системы жизнедеятельности.

– Я хочу все знать об этом препарате и о том, как он связан с моим отцом, – в ультимативной форме требую я, абсолютно не думая, что за человек стоит передо мной и насколько велико его влияние.

– Ты уверен, что хочешь знать? Что готов к правде? – в прозрачных глазах мужчины мелькнуло предупреждение, еще больше подхлестнувшее мою уверенность.

– На сто процентов, – твердо отвечаю я, и Моро тяжело втягивает носом влажный холодный воздух. Моя наглость и резкость не вызывают в нем неприятия. Он словно пропускает мимо все едкие пули, что я выпускаю. Квентин Моро не растрчивает зря ни свое время, ни свои эмоции. Если он здесь и говорит со мной, значит, это ему действительно нужно.

– Купидон имеет прямое отношение к твоему отцу, – недолго помолчав, отвечает он, опуская взгляд на могилу жены. – И к твоей матери тоже, – издает короткий шумный вздох. – Тебе, наверняка, известно, что многие экспериментальные препараты тестируют, проверяют, а потом вводят в оборот не совсем легальным способом? Я думаю, многие наши коллеги, конкуренты или партнёры точно так же обходят обязательные процедуры, если появляется такая возможность. В погоне за выгодой мы все очень сильно поспешили. На кону стояли большие прибыли, и мы рискнули, не до конца протестировав препарат, не изучив досконально свойства и побочные эффекты, на тот момент казавшиеся не такими уж и значительными. Разумеется, проблем с официальным оформлением не возникло, благодаря нескромному вознаграждению. Чтобы тебе было понятнее, о чем речь, я начну с истории, Джером, с самых истоков. История

долгая, но захватывающая. И тебе лучше открыть свой зонтик. Ты промок насквозь.

Стерев с лица ледяные капли, я закрываюсь от потоков воды, изливающихся из серых тяжелых облаков, черным зонтом, но он уже вряд ли мне сильно поможет. Мое пальто пропиталось влагой и заметно потяжелело. В кожаных итальянских дизайнерских туфлях хлюпает вода, но внешние факторы и раздражители меня сейчас мало волнуют. Я ждал этого момента долгие годы. Небо уже разверзлось. Не хватает только звуков реквиема.

– Мало кто знает, но до того, как попасть в криминальный бизнес, твой дед увлекался наукой. У него, кажется, даже была степень магистра в области биологии, но науке он предпочел криминальный бизнес. Кстати, эти знания пригодились, когда Даниэль Морган решил частично легализоваться и открыл первый завод, до сих пор называющийся «Медея Фарм». Именно твой дед являлся создателем Купидона в его первоначальном составе. Он был авантюристом, любящим риск, деньги, красивую жизнь, женщин и необычные места для отдыха. Однажды во время путешествия по Африке он прожил несколько недель в племени на Севере континента. В Америку вернулся воодушевленным и полным идей, впоследствии воплощенных в целый проект под названием «Купидон». Даниэль с группой специалистов видоизменял состав, пробуя добавлять новые ингредиенты, с целью удешевить препарат или разнообразить свойства, создавал аналоги, из которых можно было выпустить целую серию. Однако за год до своей гибели Даниэль прикрыл все исследования. А Кертис Морган, унаследовавший кресло отца, возобновил. Сложность заключалась в том, что чистый Купидон ориентирован исключительно на элитного потребителя. Состав уникален, и некоторые из растительных ингредиентов можно добыть только в Африке, причем в территориально ограниченной части и в определённые фазы цветения. Трудоемко, затратно, рискованно. Хранение, транспортировка, переработка также требуют ювелирных усилий. Именно по этой причине Кертис стал искать возможные дублиеры, организовал ряд экспедиций, нанял огромную команду экспертов, и в итоге после двух лет исследований был выведен более экономичный подвид Купидона. Искусственно созданный аналог был назван «Имитация», но его состав и свойства исключали возможность легального выпуска. И поэтому в продажу был запущен чистый, эксклюзивный и заоблачно дорогой «Купидон» под видом витаминного комплекса для женщин. Препарат действительно содержал огромный перечень необходимых женскому организму минеральных веществ и витаминов, помимо уникальных ингредиентов, за которые и выкладывались баснословные суммы. – Моро сделал паузу и

прочистил горло. – А дешевые аналоги распространялись подпольно по той же схеме, что и наркотические вещества. Они поставлялись в бордели, ночные клубы и прочие места, в которых имелся спрос на особые свойства препарата.

– Что за свойства? – спрашиваю с некоторой нервозностью, испытывая острое желание закурить.

Я получал экономическое бизнес-образование и мало разбираюсь в фармацевтике, медицине, биологии и прочих далёких от моего понимания науках, но тон и выражение лица Моро наталкивают на самые худшие предположения. Мне очень хочется верить, что я не являюсь сыном создателя нового биологического оружия. Утрирую, конечно, но жизнь научила, что ничему нельзя удивляться или считать невозможным.

– Я начну с легальной серии Купидона, – продолжил Моро. – Первоначальный состав препарата во время исследований и тестов не выявил особо тяжелых побочных эффектов. После прекращения приема у шестидесяти процентов испытуемых были замечены депрессия, нервные расстройства, бессонница, легкие нарушения функционирования внутренних органов. Но спустя время состояние женщин стабилизировалось.

– Если было так, то почему его выпуск запретили? – задаюсь вполне логичным вопросом.

– Потому что были еще сорок процентов, Джером, – поясняет Моро. – В десять из них входили тяжелые случаи: самоубийства, острая шизофрения, потеря памяти, психические припадки, летальные исходы. Однако эти самые случаи всплыли уже после выхода на рынок. Во время тестирования цифры показывали не больше двух процентов. Причина сейчас уже установлена. Она состоит в длительности приема. Курс больше десяти дней вызывает привыкание. Женщины просто не хотят возвращаться к прежней тусклой жизни, а мужчины не желают видеть рядом прежних тусклых жен и любовниц. Препарат просуществовал на легальном рынке полгода, и Медее пришлось выложить огромные средства, чтобы замять скандал. Комплекс дорогостоящий, и позволить его себе могли только очень обеспеченные люди, а заставить их отозвать иск несколько дороже, чем заткнуть рот среднестатистическому потребителю. Нам повезло, что Купидон не распространялся через аптеки или другие центры продаж, а исключительно по внутренним каналам в виду его нескромной стоимости и особых свойств, а, как известно, с теми, кто находится в

деле, договориться гораздо проще.

– Кстати, об особых свойствах ты до сих пор не сказал ни слова, – мрачно замечая я, пытаюсь структурировать получаемую информацию и не потерять ни одной важной детали. Моро плотно стискивает челюсть, словно испытывая раздражение или злость, но спустя мгновение уголки его губ приподнимаются в искусственной улыбке.

– Сейчас я раскрою тебе коммерческую тайну, Джером. Подавляющее большинство покупателей «Купидона» и «Имитации» – мужчины, – в светло-серых глазах Моро мелькает возбужденное выражение.

– Почему? Препарат, кажется, для представительниц прекрасного пола, или я что-то путаю?

– Скажи мне, какой ты видишь идеальную женщину в свои двадцать четыре года? Перечисли первое, что взбредет в голову.

Я раздраженно передергиваю плечами. Пора переходить к конкретике, мне поднадоела эта игра в «догадайся сам».

– Это индивидуальный вопрос. У каждого мужчины свой образ идеальной спутницы, – неоднозначно отвечаю я.

– Давай, я попробую. Уберем критерии внешних предпочтений и немного обобщим. Красивая, стройная, умная, некапризная, ухоженная, веселая, энергичная, раскрепощённая и сексуальная, и, чуть было не забыл самое главное – покорная и управляемая, воспринимающая каждое твоё слово и желание, как великое благо для себя. А как часто ты встречал девушек, в которых объединялись все эти качества? Раз, может, два? А что с такой идеальной спутницей станет через пять, семь лет? Останется она такой же, беззаветно влюбленной, ослеплённой чувствами? Или начнутся претензии, обиды, головная боль и прочие неприятности? Или возьмем другой вариант. Вот ты видишь свое совершенство, но она явно не горит желанием ответить на твою страсть взаимностью? На что ты готов пойти, чтобы получить желаемое?

– Может, стоит пойти поискать совершенство в другом месте? – с напряженной улыбкой парирую я.

Странный получается разговор. Я стою тут насквозь промокший и окоченевший под проливным дождем, рассуждая с президентом «Медеи» об идеальных женщинах напротив могилы моей биологической матери, которую я потерял девятнадцать лет назад. Звучит, да и выглядит, более чем безумно.

– А если есть более легкий выход? Что, если одна таблетка сможет заставить ее взглянуть на тебя другими глазами. На один вечер. А большего тебе возможно и не захочется, – улыбка кривит его тонкие губы, не касаясь глаз. И я не прочь переадресовать ему этот вопрос.

– Я предпочитаю, чтобы меня выбирали в трезвом уме и памяти, Квентин. Но не отрицаю, найдется много тех, кто воспользуется шансом, – лаконично отвечаю я, чтобы не задеть его принципы, которые, видимо, позволяют подменять реальные эмоции и чувства фальсификатом.

– Ты молод, Джером, – глубокомысленно изрекает Моро. – Жизнь длинная, и если случится так, что ты вдруг будешь одержим кем-то, кто сочтет тебя недостойным, то твои моральные принципы дадут сбой. Соблазн Купидона и его аналога – Имитации, состоит в том, что любой мужчина способен на сутки или год стать божеством для конкретной женщины, или сделать богиню из той, что уже ему принадлежит.

– Фантастически звучит, если честно. Если ты сейчас о возбудителях, то их несложно достать. Зачем платить тысячи долларов за ... витамины? – скептически интересуюсь я, но Квентин явно не разделяет моей иронии. Похоже, он серьёзно уверен в том, что мой биологический отец создал уникальный препарат.

– Купидон делает женщину счастливой в абсолютном смысле этого слова, – Квентин растягивает тонкие бледные губы в невыразительной улыбке. – Он поддерживает ее гормональный фон в состоянии, которое бывает в период влюблённости, и женщина меняется. Эйфория, бешеная энергия, яркие цвета, мощные эмоции, отличное настроение, лёгкость и усиленное сексуальное влечение, и непередаваемые ощущения во время физической близости. Она парит, цветет, она жаждет любви и страсти. Кожа светится, волосы сияют, глаза горят. И у нее нет претензий и жалоб на этот мир, который ей кажется таким же совершенным, как и она сама. Идеальная женщина способна подарить массу удовольствий, и мужчины готовы платить за подобный эффект огромные деньги.

Не прикладывать собственные усилия, не тратить время на ухаживания, подарки, знаки внимания. Ты должен понимать разницу между «Купидоном» и обычными возбуждителями. Выбирая «Купидон», потребители платят не за голый секс, а за возможность испытать вновь состояние счастья, влюбленности и безудержной страсти.

– Но это же не настоящие ощущения – имитация, о чем в принципе и говорит название дешевого аналога, – возражаю я, тревожно нахмурившись. Предположения Ребекки Томпсон о волшебной таблетке, способной сделать ее счастливой и сексуально-озабоченной, сбываются.

– Через несколько лет тебя будет мало волновать настоящая страсть или нет, – склонив голову на бок и окинув меня ироничным взглядом, произносит Моро. – Ты просто будешь брать то, что хочешь, используя методы, которые можешь себе позволить. А теперь об Имитации, Джером. Аналог Купидона производился и производится до сих пор в частных подпольных лабораториях. И распространяется он точно так же, как другие запрещенные препараты, и в составе своем имеет синтетические наркотические вещества. Эффект от приёма Имитации очень схож с тем, что вызывает Купидон. Разница в побочных эффектах и сложности отвыкания от препарата, ну и в скорости наступления, и длительности эффекта. Длительный курс и того, и другого ведет к разрушению нервной системы и общему ухудшению здоровья. Но если редкий и дорогостоящий Купидон на протяжении нескольких лет подряд могут себе позволить единицы, то Имитация в этом плане более доступна и, к сожалению, более разрушительна. Названия «Имитация» на теневом рынке нет. И тот, и другой препарат считают Купидоном. О разнице между ними известно узкому кругу посвященных.

– Выходит, что после запрета на выпуск, чистый «Купидон» продолжили производить, но подпольно, как и его дешевый аналог? Но какой смысл? И для кого? Для «узкого круга посвященных»? – резко спрашиваю я. Моро утвердительно кивает. Ни малейшего проблеска смущения на лице. Для него чужие жизни и здоровье – просто гребаный бизнес.

– Это было личное решение Кертиса, – ответил он. – О том, что Морган открыл подпольную лабораторию, были в курсе только он и Логан. Никто бы и не узнал, если бы Кертиса не взяли во время передачи партии чистого Купидона покупателю. Президент корпорации «Медея» задержан с поличным за нелегальную продажу запрещенного препарата, некогда выпускаемого одним из

фарм-заводов «Медеи». Ты только представь, какой мог быть скандал? Мы могли потерять все. Кертис подставил всех, когда пошел на поводу у своей жадности. – Моро поджал губы, гневно сверкнув глазами, и продолжил через пару секунд совершенно бесстрастным тоном. – Он получил срок, лабораторию закрыли. Однако заказы на Купидон сыпались один за другим. Повышенный спрос – это всегда взлет ценовой отметки. Новая лаборатория заработала уже через год и существует по сей день. Но, могу тебя заверить, репутация Медеи, даже если нелегальное производство накроют, окажется незапятнанной.

– А что с покупателем? – спрашиваю я, стараясь не думать сейчас о моральной и законной стороне вопроса. Одномоментно проблемы подобного уровня все равно не решаются, и мои личные неприятия никак не помогут избавить улицы от еще одного вида наркотика, созданного под крылом крупнейшей в стране фармацевтической корпорации.

– Он заключил сделку с полицией и прошел по делу как свидетель. А местонахождение пропавших миллионов неизвестно до сих пор.

– Какова роль Дайаны во всем этом? И почему на ее надгробии выгравирован Купидон? – продолжаю задавать четкие прямые вопросы.

– Твоя мать была идеальной женщиной, Джером, – вздыхает Квентин, и я уже снова предчувствую поток посторонней информации. Я знаю, какой женщиной была моя мать. И не хочу знакомиться с другим образом. – Да, я тогда думал точно так же, как и ты сегодня. И я нашел свое совершенство. Но поверь, если ты замечаешь, что твоя любимая совершенна, то заметит и кто-то еще и захочет забрать ее у тебя. Так случается, может случиться, если тебя не окажется рядом. Нельзя никому доверять, даже друзьям. Особенно друзьям.

– Это все высокие рассуждения, а мне нужна конкретика, Квентин, – сдержанно напоминаю я.

– Позволь мне порассуждать, моя жизнь подходит к концу. Я имею право немного пофилософствовать. Дайана была исключительно умной девушкой, и у нее имелись все предпосылки к тому, чтобы стать успешным ученым. Она получила образование в области биохимических наук. И еще во время обучения на магистратуре начала работать в одной из научно-исследовательских лабораторий Медеи в числе других экспертов. Молодая и амбициозная, красивая.

Там мы с ней и познакомились, потом поженились. Дайана состояла в группе ученых по разработке злосчастного Купидона. Поверь, она была против ввода его в оборот, как и многие другие эксперты. Но у Кертиса было свое мнение. Его интересовала прибыль, ликвидность. А потом его заинтересовала моя жена. Когда он обратил внимание на смышлённую сотрудницу лаборатории, мы уже были женаты. После официального закрытия проекта «Купидон», Дайана ушла из Медеи. Она сказала, что там недостаточно размаха для ее научных притязаний. Но мне кажется, причиной стал Кертис Морган.

– Как она оказалась замешана в той сделке? – задаю следующий немаловажный вопрос, и Квентин морщится, словно съел что-то горькое. Выражение его глаз становится нечитаемым, отрешенным.

– У меня была длительная рабочая поездка в другой город. Дайана осталась одна. Я не знаю, что произошло, Джером. У меня нет ответа на этот вопрос. Я узнал, что Кертиса задержали, когда находился на переговорах в другом штате. И уже по приезду узнал, что моя жена участвовала в сговоре с полицией, что она спала с ним, а потом сдала. Почему? Я до сих пор не знаю, Джером. То, что произошло, меня потрясло и опустошило. У нее я спросить ничего не мог, Дайана исчезла, попав под программу защиты свидетелей. А Кертис упорно молчал. Думаю, он словил кайф, наблюдая, как меня ломает. Я приходил к нему в тюрьму минимум раз в месяц, но сукин сын так ни о чем и не рассказал. Я думаю, он сделал это.

– Что именно?

– Использовал на ней Имитацию или Купидон. А потом она забеременела и испугалась, что я не прощу, что убью ее.

– Ты бы это сделал? – всматриваясь в резкие, словно вырезанные из камня, черты лица, спрашиваю я.

– А ты? Если бы узнал, что жена спит с твоим лучшим другом, что беременна от него? – ожесточенно дернув головой, переадресовывает вопрос Моро. М-да, не в лоб, а в глаз.

– Если Кертис использовал препарат, то Дайана была не виновата, – озвучиваю единственный ответ, который могу дать.

– Невиновные не сбегают, Джером, – сдвинув брови, напряженно отвечает Моро.

– Ты сомневаешься, возможно, этого она и боялась – что ей не поверят. Или Дайаной двигала месть. Кертис сказал мне, что взял ее силой. Что она не хотела и не любила его.

– Он сказал тебе? – нахмурившись, Квентин впился взглядом в мое лицо и заметно побледнел.

– Да, – кивнул я уверенно. – Думаю, она боялась тебя, не Морганов. Не понимаю, почему?

Действительно, почему? Что заставило мою мать так поступить? Стыд? Страх? Или все-таки она была равнодушна к Моргану? Зачем тогда сдала?

– Нам уже не узнать, о чем думала Дайана, Джером, – словно прочитав мои мысли, произнес Моро, и теперь боль в его голосе прозвучала искренне, в уголках опущенных губ затаилась настоящая горечь. Цинично, но я не испытал ни малейшего сожаления либо сочувствия к этому человеку.

– Вы создали препарат, который сыграл против вас, Квентин. Теперь ты сам не знаешь, что было имитацией на самом деле – чувства твоей жены к тебе или к Кертису Моргану.

Моро вздрагивает, словно мои слова задели его за живое. Снова смотрит на надгробный камень с выражением глубокой скорби.

– Скажи, Джером, ты совсем не помнишь Дайану? Неужели ничего? Она не рассказывала тебе об отце? Обо мне? Или о чем-то еще?

– Нет. Ничего. Размытые образы. Глаза, волосы, ароматы, ощущение ее объятий. Возможно, это работа подсознания, а не настоящие воспоминания. Но я помню, что любил ее. Очень сильно любил.

– И я любил ее, Джером, – с горечью произносит Моро, но что-то в его интонации заставляет меня усомниться в искренности произнесенных слов.

– И что теперь? – спрашиваю я.

– Ты вернешься в Сент-Луис и будешь дальше работать. Постарайся сделать так, чтобы Логан не смог дискредитировать тебя или добраться до каких-то твоих слабостей. Тщательно следи за ближним кругом. Приятели, любовницы, коллеги. Будь предельно осторожен. Усиль охрану в доме, в офисе. Замени шофера, пилота, повара, прачку, кухарку, всех, с кем установлен стабильный контакт. На тебя должны работать настоящие профессионалы, дорогие, но надежные. Выбирай людей, которым важна репутация, а не деньги. Это легко проверить. Пока ты неплохо справлялся. Продолжай в том же духе.

– А Логан?

– Мы устроим ему сюрприз в день твоего двадцатипятилетия. Сюрприз, от которого он не сможет оправиться, – со зловещим блеском в глазах ухмыляется Моро.

– Я войду в правление? – решаю прояснить еще один важный для меня момент. Квентин снисходительно скользит по мне внимательным изучающим взглядом.

– Не сразу, – после небольшой паузы отвечает он. – Ты будешь изучать многочисленные направления, принципы работы и другие важные факторы. Это может занять годы, которых у меня нет. Я сделаю все от меня зависящее, чтобы сократить этап обучения, – Моро окидывает меня внимательным взглядом.

– Сейчас я оставлю тебя одного, Джером. Подумай обо всем, что я сказал. Как только будешь готов, вертолет доставит тебя в Сент-Луис.

– Спасибо, Квентин. Я ценю твою откровенность, – благодарю вежливым тоном.

– У моей откровенности есть цена, Джером, – сухо отзывается Моро. – Та информация, которой ты теперь владеешь, может стоить тебе жизни. Будь осторожен, принимая решения. И, разумеется, все, о чем мы говорили, не предназначено для обсуждения с кем-либо еще, включая членов семьи. И еще, Джером. Насчет Зака Моргана. Он не так глуп, как хочет показаться, и вполне способен вести двойную игру.

– Я это понимаю, Квентин. Но спасибо за предупреждение. За оба предупреждения.

После ухода Моро я простоял на могиле Даши Ветровой – моей потерянной матери, и Дайаны Моро – потерянной жены Квентина, еще много минут, сплетающихся в бесконечные часы тяжелых размышлений, светлых и страшных воспоминаний. Я не мог заставить себя уйти, упустить снова неуловимую связь, которую почувствовал здесь, глядя на ее имя на неживом, холодном и равнодушном камне. Пару часов назад моя душа скорбела по Эмме Спенсер, и вот я здесь, и нет ничего мучительнее осознания, что мои поиски закончены. Дайана или Дарья... там, в вечном холоде, одинокая, непонятая. И она забрала с собой свои тайны, боль и горе. Мне никогда не узнать, зачем моя мать хотела вернуться в Америку, понимая, какой опасности себя подвергает. И что стало причиной ее участия в сговоре с полицией. Кого любила на самом деле моя мать, а от кого хотела сбежать. Я знаю, она пыталась спасти меня в тот самый последний роковой день своей жизни. Но ее саму защитить было некому. Никого не оказалось рядом.

И все-таки Дайана Моро вернулась домой. Не думал, что мы встретимся вот так, сегодня. Я убираю зонт, снова позволяя холодным ручьям стекать по моему лицу. Она просила меня ждать, и пятилетний ребенок запомнил ее слова, он ждал часами, ночами, неделями и месяцами. Он научился ждать так, как никто другой. Ему пришлось ждать снова... спустя двенадцать лет. Кошмар повторился. Теперь я точно знаю виновных, но сил для ожидания и вынашивания возмездия больше не осталось. Присев на корточки, я кладу правую руку на ледяное надгробие, скольжу пальцами вдоль надписи и выгравированного Бога любви, играющего в этой истории противоположное разрушительное значение. Его стрелы достигали цели, но в пронзенные сердца вместе с острием входила не любовь, а лишь временная имитация плотской страсти. Зачем Квентин оставил напоминание, выбрав для гравировки Купидона? Наказание для себя? Или для нее?

С волос и носа капает вода, пальцы покраснели от холода, и на какой-то момент я вспоминаю ощущение ее ладони на своей щеке, теплое, нежное. И словно чувствую его снова. Прикрываю глаза, чтобы продлить иллюзию. Девятнадцать лет назад, когда я замерзал у сарая, заблудившийся и напуганный, я тоже ее услышал. Это невозможно забыть, тихий, льющийся, как горный ручеек, мелодичный голос. Он утешал, нес облегчение, покой, он согревал. Я мог уйти с ней.... Все закончилось бы уже тогда. Но раз я выжил, значит, у меня

совершенно другая судьба. И думаю, что я правильно понял ее замысел.

Я никогда не задумывался, почему нам так важно иметь место для скорби, ставить памятники, закапывать гробы, вместо того, чтобы развеивать по ветру пепел ушедших близких в самых удивительных и красивых местах планеты. В моих воспоминаниях Дайана была живой, она спаслась, скрылась, снова сменила имя и путешествовала по миру все такая же молодая и прекрасная. Я знал, что ее больше нет, но моя память и разум отрицали это, они цеплялись за вероятность, за иллюзию. Мы хороним своих близких, чтобы не надеяться на то, что они вернуться, чтобы отпустить их, смириться с потерей.

Но смирение – совершенно не то, что я чувствую, опускаясь коленями на мокрую газонную траву. Я разбит, оглушен свалившимися на меня открытиями, правдой, которую так долго искал, ответами, которые наконец-то получил. Рой мыслей нарастает, кружит в голове, бьет набатом, принося физические страдания. Я поднимаюсь на ноги и, бросив последний полуслепой взгляд на надгробие, бреду к выходу с кладбища. Меня шатает, как пьяного, я не разбираю дороги. И ни о чем не способен думать. Мне требуется перезагрузка, чтобы не свихнуться.

У меня есть несколько вариантов куда пойти, чтобы или залить свое горе, или сбежать от него, или осмыслить в одиночестве все, что я узнал от Моро, или забыться в работе, или найти утешение в обжигающих объятиях Фей, или же просто побыть в одиночестве. И для воплощения каждого варианта у меня есть дом Дракулы, офис, уютная квартирка мисс Уокер, есть пентхаус. И имеется в запасе время на выбор, пока вертолет, рассекая воздух и чернеющие тяжелые облака, доставляет меня обратно в Сент-Луис. Гребаный мобильный звонит, когда я почти принял решение и даже открыл рот, чтобы озвучить его Брекстону, прибывшему к воротам городского кладбища на моем автомобиле. Моро четко следует своим обещаниям – откуда забрал туда и доставил.

– Да, – рявкаю со свирепостью, удивившей даже меня. Рони оглядывается на меня, и я отрицательно качаю головой, давая понять, что все нормально.

– У кого-то дерьмовое настроение? – отзывается на том конце не менее раздраженный голос Зака Морган. – Сейчас я испорчу его еще больше.

– Говори, – приказываю я.

- Ты не охренел, Джером? - почти рычит он мне в ответ.

- Или говори, или я вешаю трубку, - констатирую категоричным тоном.

- Попрощайся с полутора миллионами, кузен. Наш несостоявшийся осведомитель сегодня задохнулся выхлопными газами в собственной машине в гараже своего дома.

- Что, бл*дь? Ты прикалываешься? - сжимаю айфон до хруста.

- Я похож на того, кто шутит подобными вещами? - огрызнулся Зак. - Я тебе сообщил, а дальше уже смотри сам. Я умываю руки.

- Кому ты проболтался, Зак?

- Иди на хрен, - резко отвечает Морган. - Я сделал тебе одолжение. И я предупреждал, что твоя затея может обернуться полным дерьмом. Так и вышло.

И прежде, чем я успеваю сказать хоть слово, связь прерывается. Сукин сын сбросил вызов.

- Проблемы, босс? - вопросительно глядя на меня в зеркало, спрашивает Рони Брекстон.

- Похоже на то, приятель, - выдохнув, киваю я. - Мне нужно усилить охрану, Рони. У тебя есть проверенные парни? Желательно с боевым опытом и в хорошей физической форме.

- Конечно, босс, - утвердительно кивает Брекстон. - Сколько человек необходимо?

- Пять. Это минимум. Работать придется круглосуточно. Два днем, два ночью, один на подмене и ты как обычно. Но Рони, мне нужны люди, которым ты с лёгкостью доверил бы собственную жизнь, а не только мою.

- Без проблем, босс.

- И желательно сделать так, чтобы я их не видел.

- Как пожелаете, босс.

- Джером, Рони. Называй меня по имени.

- Я понял, босс.

Я качаю головой, понимая, что этого парня сложно переделать. Грубоватый и прямой, и несгибаемый, как шпала. Фигура боксера, сломанный нос, резкие неправильные черты лица, устрашающий взгляд, и огромные плечи, едва помещающиеся на водительском сиденье. Брекстон мог закончить свои дни прикованным к койке, но даже когда я впервые увидел его с пробитым позвоночником и застрявшей пулей в голове, он выглядел точно так же, как сейчас. Брекстон не из тех, кто позволит жизни поиметь его. Если бы я не оплатил его операции, то засранец поимел бы гребаную жизнь, сведя с ней счёты. И это не было бы слабостью с его стороны.

- У тебя есть сигарета? - спрашиваю бесцветным тоном, проводя ладонью по влажным волосам. В салоне работает обогрев, но мало спасает от начинающегося озноба. - И виски?

- Сигарета есть, босс. А виски... я как бы не пью. Нельзя мне.

- Я тебе и не предлагаю, - раздраженно отзываюсь я и беру протянутую сигарету и зажигалку. Открываю окно и делаю глубокую затяжку.

- Я бы вам не советовал.

- Иди к черту. Мои легкие.

- Я про окно, - и он автоматически поднимает стекло с моей стороны не спрашивая. Это его работа. Не поспоришь. - Куда едем, босс?

- Пентхаус, - коротко отвечаю я. Автомобиль оживает и плавно выезжает на трассу. А я набираю номер Эверетта. Он отвечает после трех гудков. Спокойный

сдержанный голос. Я облегченно выдыхаю.

– Я отменяю последнее задание, Грант, – коротко сообщаю я.

– Как скажешь, Джером. Вопрос больше не актуален? – сдержанно интересуется он. Еще один профессионал до мозга костей. Никогда не будет лезть в то, о чем его не просили. И я ценю это качество в людях.

– Да, я узнал ответ, – отвечаю я.

– Хорошо. Я на связи.

– Спасибо, Грант.

Сбросив вызов, откидываюсь назад. Логан облажался. Он может и дальше охранять свои секреты, уничтожая каждого, кто к ним подойдет. Мне похер. Я знаю все, что мне нужно. Мрачно ухмыляюсь, глядя на летящие навстречу огни.

– Какие планы завтра, босс? Полярис или Бионик? – подает голос Рони. Если бы я знал... Машинально открываю почту, чтобы найти составленное три дня назад недельное расписание. Моя память сегодня не работает, нуждаясь в подсказках.

– Бионик, – отвечаю, всматриваясь в ежедневник на экране и потирая переносицу. – Черт, голова совсем не работает, – скидываю пепел в выдвижной отсек и поднимаю голову. – В винный супермаркет заскочим? По-моему, у меня в баре ничего нет. Пора пополнить запасы. Завтра рано не приезжай. Опоздаю немного. В десять совещание.

– Хорошо, босс.

Оказавшись в квартире, не раздеваясь направляюсь в ванную комнату, прихватив с собой бутылку виски. Включив горячую воду, скидываю в горю мокрую одежду. Погружаюсь в обжигающее тепло, откупоривая пробку зубами, и вдыхаю влажный пар, поднимающийся над ванной. Плохая идея, признаю. Но воспаление легких как-то совсем не входит в мои планы. С похмельем я справлюсь. Аспирин и апельсиновый сок в помощь. Я редко позволяю себе злоупотреблять алкоголем, но сегодня особый случай. Иногда, чтобы привести

мысли в порядок, их требуется как следует потрянуть, повергнуть в шоковое состояние, заставить работать нешаблонно. Измененное состояние сознания порой способно дать ответы на вопросы гораздо быстрее, чем трезвый разум.

Глотаю виски прямо из бутылки, прокручивая в голове весь безумный день, каждое слово, сказанное Квентином Моро, каждую приоткрывшуюся тайну, спрятанную от меня за семью печатями. Я не уверен, что действующий президент Медеи выдал мне полную версию истории. Люди, подобные ему, никогда не говорят всей правды, оставляя про запас самые интересные детали. Но основную суть я уяснил. Мотивы Квентина выглядят убедительно, однако это не значит, что я слепо доверюсь ему. Нет. Мне нужно время, чтобы понять, насколько он откровенен и по-настоящему заинтересован в том, что предлагает.

Слов мало. Мне нужны конкретные действия с его стороны. Я ничего не теряю, принимая его помощь и покровительство. А приобрести могу то, о чем даже и не мечтал. Однако моей благодарностью за его щедрость будет вовсе не то, на что он рассчитывает. К тому же ответ на вопрос – почему я, так и остался открытым. Я не поверил в его объяснения. Смертельная болезнь, отсутствие наследника, сын любимой женщины – одна сторона медали. Но есть и другая – практически юнец, без достаточного опыта, сын заклятого друга. И в его прощание над гробом Кертиса Моргана я не верю. Такие поступки не забываются, никакая смерть не сгладит то, что он сделал. Я не простил. И Моро тоже не похож на святого. Им движет что-то еще. Со временем я узнаю, что именно.

Глава 2

– Фей... – бормочу сонно, притягивая к себе теплое обнажённое тело, зарываясь лицом в белокурые ароматные волосы. Они пахнут свежестью, лаймом, апельсином и мятой. Моя ладонь покоится на упругой груди, соблазнительная попка вжата в мой, не подающий признаков жизни пах. О, черт, неужели это случилось? Впервые не чувствую ни малейшего волнения в объятиях Фей Уокер. Долбаный виски. Сколько я выпил вчера? Моя ладонь находит ее грудь, мягко сжимаю, и снова... ничего. Мне нужен душ, зубная паста, пара стаканов апельсинового сока и пачка аспирина. Головная боль и тошнота накатывают волнообразными приступами. Глухо застонав, я снова зарываю лицо в волосах Фей, бормоча ее имя.

Стоп... Откуда в моей постели взялась голая Фей?

Мгновенно проснувшись, приподнимаю голову, пытаюсь установить свое местоположение. Обстановка до боли знакомая и обыденная. Все правильно. Я в своей спальне. И рядом безмятежно раскинувшись в своей естественной красоте сном младенца спит Фей, а не случайная вызванная шлюха. И ни малейшего намека в моей памяти, откуда она взялась. Пошарив ладонью на прикроватной тумбочке, нахожу там свой телефон.

Шесть утра. Отлично. Хорошо, что не проспал. Проверяю исходящие. Я звонил Фей трижды в период с часу ночи до половины второго. Видимо, малышка не выдержала и приехала. Вспомнить бы, о чем мы говорили, и что, вообще, происходило в тот промежуток времени, который мой мозг не счел нужным сохранить.

Осторожно выбираюсь из постели, чтобы не разбудить белокурого ангела, и в чем мать родила шлепаю на кухню. стакан воды и две таблетки аспирина, холодный душ. Взгляд скептически цепляется за отражение в зеркале, показывающее мне весьма помятую физиономию с двухдневной щетиной. Не уверен, что запасов физической энергии хватит на борьбу с растительностью на лице. Зубная щетка дрожит в руках, и, скорее всего, не стоит рисковать здоровьем и браться за бритву. Закончив с гигиеническими процедурами, выхожу из ванной комнаты и с удивлением вдыхаю аромат свежесваренного кофе. Боги, эта девушка и правда фея.

Я нахожу ночную гостью на кухне. Она «колдует» над плитой, одетая в мою рубашку с закатанными рукавами. Светлые волосы в беспорядке струятся по плечам, стройные ножки выставлены на мое обозрение во всей своей красе. Она умопомрачительно выглядит, а я чувствую себя... хреново – слишком мягкое выражение, не отражающее широкого спектра ощущений. Фей делает тосты, и, судя по аромату, яичницу с беконом, но это не тот завтрак, который способен принять мой желудок после неизвестного количества алкоголя, выпитого накануне.

– Не стоило беспокоиться. Просто кофе для меня достаточно, – бормочу я, с мученическим вздохом опускаясь на стул. Она разворачивается, и мне сложно понять, злится на меня Фей или сочувствует. Ее взгляд задумчиво изучает мое лицо.

– А кто сказал, что завтрак для тебя? – вскинув бровь, насмешливо спрашивает девушка и ставит передо мной кружку с кофе. – Мне подкрепиться после такой ночи точно не помешает.

Ее слова «такой ночи» вызывают во мне смутные подозрения. Я пристально всматриваюсь в черты ее лица, потом опускаюсь ниже, замечая несколько темнеющих следов от слишком страстных поцелуев на шее. Когда мой взгляд забирается в вырез собственной рубашки, надетой на Фей, я снова чувствую, как во рту пересыхает, но на этот раз причина не похмелье – смущение, недоумение. И когда я смотрю на хрупкие девичьи запястья с проступающими красными полосами – стыд, потрясение.

– Это я сделал? – хрипло спрашиваю я, глядя в бирюзовые глаза, вззирающие на меня с холодным любопытством.

– А ты видишь тут кого-то еще? – она демонстративно фыркает и ставит на стол тарелку с тостами и жареными яйцами, и только потом садится. – Ничего не помнишь? – с наигранным равнодушием спрашивает Фей, продолжая измываться надо мной. Я отрицательно качаю головой и подавленно молчу.

– А вчера был таким разговорчивым, – ехидно замечает она, намазывая тост джемом и откусывая кусок. Нежные, манящие губы выглядят припухшими. Черт, я же не мог? Или мог? – И как звонил, не помнишь?

Я снова отрицательно киваю, наблюдая за тем, как она жует свой тост и пьет кофе, рассматривая меня с возрастающим удивлением.

– Первый раз, когда ты позвонил и заплетающимся голосом приказал мне прийти, не попросил, а именно приказал, я тебя послала. Второй раз произошло то же самое. А в третий я поняла, что ты не помнишь о предыдущих двух и тебе действительно нужна компания. К тому же мы три дня не виделись. Я скучала, несмотря на то, что ты бросил меня сразу после возвращения из Лос-Анджелеса и больше не появлялся, – с укоризной произносит она.

– Я не бросал тебя, Фей. Я же говорил, что у меня работа, – пытаюсь оправдаться и практически не лгу.

– У меня тоже работа, Джером. Все работоспособное население мира занято зарабатыванием денег, в той или иной степени. Но твоя «работа» намного важнее моей или чьей-то еще. Ты так считаешь?

– Меня не было в городе, – говорю чистую правду, но Фей, скептически ухмыльнувшись, явно придерживается другого мнения.

– О, да, и о том, где ты был, я сделала собственные выводы. Когда я пришла, ты разгуливал по квартире голый с бутылкой виски в руках. Еще одну пустую я нашла в ванной. И знаешь, что ты мне сказал? Угадаешь? Самую первую фразу, которую я услышала, переступив порог твоей квартиры?

– Понятия не имею, – честно выдыхаю я, потянувшись к пачке с сигаретами.

– Ты ни слова не сказал, Джером, – сине-зеленые глаза яростно сверкают. Фей позволяет мне увидеть эмоции, которые испытывает, и, черт, я налажал по-крупному. – Затолкал меня в спальню и швырнул на кровать, как какую-то одноразовую проститутку. Потом раздел и связал мои запястья. Своим галстуком. Романтично? Интересно, в какой порнушке ты это подсмотрел? Или твои другие пассии испытывают склонность к подобного рода вещам?

– Нет никаких других... – отрешённо бормочу я, проводя пальцами по волосам. Что происходит, а?

– Не ври мне, – разъярённо восклицает Фей, и я покорно замолкаю, понимая, что с разгневанной женщиной лучше не спорить. Откинувшись на спинку стула, Фей закидывает ногу на ногу, позволяя увидеть в разошедшихся полах рубашки следы «засосов» и на бедрах тоже. – Ты очень старался, но ничего не вышло, – сообщает она.

– Ничего не было?

– Нет, но ты не хотел сдаваться. Только, видимо, в каком-то другом месте ты успел постараться сильнее. И явно не со мной.

– Фей... – меня охватывает мучительно раскаяние, хотя я и не помню за что.

– Не надо притворяться хорошим мальчиком, Джером, – раздраженно затыкает меня оскорбленная и обиженная Фей. – Ты никогда им не был. Не думай, что я такая идиотка, которая ничего не замечает. Женщина всегда знает, когда у ее любовника есть кто-то еще. Инстинкт срабатывает не только у самцов. Мы тоже чувствуем, когда посягают на нашу территорию. Чего тебе не хватает, Джером? Именно об этом я спрашивала в отеле в Лос-Анджелесе, но ты разозлился. Если бы все было в порядке, я бы не чувствовала каждый раз, когда ты появляешься, запах других женщин на тебе. Разумеется, я утрирую. Уверена, что ты старательно уничтожаешь улики.

– В чем конкретно ты меня обвиняешь? – я делаю глоток кофе, прищурив глаза. – Или чего ты хочешь?

– Понять, какое место я занимаю в твоей жизни! Если ты возомнил, что имеешь право вести себя подобным образом, то нам не по пути, Джером. Можешь забрать свою квартиру, машину и все подарки обратно. Мне ничего от тебя не нужно. Никаких подачек, связей и протекции. Я уволюсь с работы и вернусь в Чикаго.

– А там тебя ждет что-то другое? – чувство вины очень быстро трансформируется в растущее раздражение. Женская истерика – это не то, в чем я нуждаюсь сейчас. – Или то, как ты жила раньше, хуже, чем то, что я предлагаю тебе сейчас?

– То, как я жила раньше, не ранило мои чувства. Я его не любила! – восклицает Фей в сердцах.

Я медленно встаю, обхожу стол, не разрывая напряжённого зрительного контакта. Фей хмурится, когда я мягко убираю локон за ее ухо, провожу большим пальцем по влажным губам.

– Ты его не любила, – повторяю я ее слова. – Ты спала с ним за деньги. Значит, ты шлюха, Фей. Откуда мне знать, что сейчас ты не делаешь то же самое?

Она с рычанием набрасывается на меня. Пара пощечин, и в ход идут кулаки, она бьет меня по груди, плечам, целится в лицо, но я уворачиваюсь, блокируя удары и стараясь не причинить ей физического вреда. Скрутив немного травмированные запястья за спиной одной рукой, я с силой усаживаю Фей себе

на колени и, удерживая подбородок, заставляю смотреть на себя.

– Чего ты хочешь, Фей? – шумно дыша, яростно спрашиваю я. Она продолжает безуспешно дёргаться, пытаюсь обводиться. – Деньги, подарки, внимание, любовь, верность, брак? Выбрать можно что-то одно. Подумай хорошо, прежде чем ответить.

– Тебя! – с гневом шипит девушка, глаза ее обжигают силой негодования и возмущения.

– Я у тебя есть, мать твою, – отвечаю, повышая голос. – Какого хрена ты недовольна? Дай мне время, черт бы тебя побрал. Я же говорил, что пока не могу предложить что-то большее.

– Если ты хочешь защитить меня, то ты знаешь, как это можно сделать, – сверля меня неистовым взглядом, заявляет мисс Уокер.

– И как же?

– Женись на мне, – требует Фей. Она обезумела?

– Нет, – рявкаю я, и Фей окончательно слетает с катушек.

– Нет? – кричит взбешенная девушка. – Почему, черт побери? Из-за Зака? Ты никогда мне его не простишь?

– Мне не за что прощать тебя, Фей. Я не могу жениться сейчас. Не лучший момент для разговора на эту тему. Мы слишком молоды. Оба, – поясняю свою позицию миролюбивым тоном, но Фей не слышит. Она рычит, пытаюсь вырваться, и я с силой удерживаю ее на своих коленях.

– Заткнись. Не унижай меня еще сильнее. Я уйду, – дернувшись, выкрикивает она.

– Фей, – мягко произношу я, крепко сжимая в объятиях. – Пожалуйста, подожди полгода, и мы снова поговорим обо всем. Я тебя люблю, ты же знаешь.

– Нет, не любишь, – отрицательно качает головой Фей. – Тебе нравится так думать. Я для тебя напоминание, яркое, счастливое, красочное.

– Это не так, – возражаю я. Фей насмешливо сморит на меня из-под опущенных ресниц.

– Это так. Мне больно осознавать, насколько это так. Ничего не получается. Ты же видишь. Я не могу играть роль послушной игрушки для утех. Ты разбиваешь мое сердце каждый раз, когда прикасаешься к другим.

– Да с чего ты взяла? – я теряю терпение. Никогда бы не подумал, что она такая истеричка.

– Брось. Я не конченная дура. Я, правда, пыталась. Молчала. Улыбалась. Была идеальной любовницей, без претензий и лишних вопросов. Но больше не буду. Найди на эту роль другую идиотку.

– Я не хочу другую, Фей. Я хочу тебя, – ласково шепчу я, настойчивее прижимая глупышку к своей груди.

– И меня ты тоже больше не хочешь, – горько бросает она. Хочет добавить что-то еще, но я запечатываю несущий всякую ерунду рот своим, пытаюсь доказать, насколько сильно она ошибается.

Гнев и похоть всегда идут рядом и частенько являются продолжениями друг друга. Я резко сажаю Фей на стол и широко развожу ее стройные ноги, не замечая падающей на пол посуды. Сорванная рубашка летит в грудку осколков и разбрызганных остатков кофе. И пока Фей пытается вытолкнуть мой язык из своего рта, спустив штаны, я вбиваюсь между раздвинутых бедер. Она хватается за мои волосы, пытаюсь оттянуть голову назад, потом впивается в плечи, оставляя глубокие царапины. Я отпускаю ее губы, опрокидывая на столешницу. Нежная кожа Фей покрыта румянцем, твердые соски выдают истинное состояние своей обладательницы. Развожу ее ноги шире и, подсунув ладони под упругую попку, тяну на себя, полностью управляя ритмом глубоких и мощных толчков. Через пару минут ее ноги на моих плечах, и она кричит, но уже не от гнева и обиды, а я смотрю на запрокинутое лицо, на отчаянно хватающие воздух полные губы, на трепещущие ресницы, нежную ямочку горла и вздымающуюся грудь, наполняя ее с яростной одержимостью.

Аспирин творит чудеса, мать вашу. От утренней апатии не осталось и следа. Мои бешеные толчки раскачивают ее тело и стол под нами в диком языческом танце первобытной похоти. Я ощущаю, как острое наслаждение пронизывает все мышцы, приятное тянущее тепло спускается по позвоночнику, охватывая поясницу, подводя меня к ослепительному освобождению с каждым новым ударом наших тел. Протянув руку, я проталкиваю между ее пересохших губ большой палец, и она облизывает его, прежде чем втянуть внутрь. Наши глаза встречаются в немом поединке. Я вижу, как рождается первая волна экстаза в расширившихся зрачках. В следующее мгновение она содрогается всем телом, и с гортанным стоном я следую за ней.

– Одну проблему можно вычеркнуть из списка. Ты на первом месте в таблице желаний, – бормочу я, задыхаясь и глядя ладонями любимое расслабившееся тело. Затихающее удовольствие приносит ощущение расслабленности.

– Готов озвучить весь список? – спрашивает Фей, сдвигая ноги и отталкивая меня. Я не позволяю ей ускользнуть, беру на руки и волоку в душ, где обоих нас привожу в порядок. Я долго и нежно целую ее под горячими струями воды. Шепчу слова утешения или оправдания, и они действуют. Ощущаю, как моя дьяволица постепенно оттаивает, расслабляется, обнимая меня в ответ, отвечая на мои ласки. Тонкие пальцы нежно скользят по моей спине, губы мягко повторяют контуры грудных мышц, медленно движутся вниз по напряженному прессу. Она опускается на колени и обхватывает мой член губами. Помогая языком и пальцами, она доводит меня до оргазма в считанные минуты и не выпускает. Против ее нежного горла я бессилён, бестия знает, как заставить мужчину рычать от удовольствия. Пока последняя капля моего наслаждения не остается на умелом языке, Фей не позволяет мне отстраниться, да я и не хочу. Если все истерики этой выдумщицы будут заканчиваться так, я готов с ними мириться.

Потом мы вместе наводим порядок на кухне и снова пьем кофе. Горячий, ароматный. Оба притихшие, насытившиеся. Фей выглядит смущенной и все еще немного обиженной. Я накрываю ее руку своей, мягко сжимаю пальцами.

– Вчера был день рождения Эммы Спенсер, – произношу едва слышно. – Был бы, будь она жива. Причина моего состояния, которое показалось тебе подозрительным, скрыта на самом деле в другом. Я был на кладбище, потом напился и потерял контроль. Прости меня.

– Я не знала. Теперь мне стыдно, – выдыхает Фей, глядя блестящими от подступивших слез глазами. – Ты должен был сказать. Я бы все поняла.

– Да, я знаю. Давай не будем больше спорить. Ты единственная женщина, имеющая для меня значение, – искренне признаюсь я. Она шумно вздыхает, закусывая губу.

– Ты уверен, Джером?

– Абсолютно.

Фей долгим испытывающим взглядом смотрит в мои глаза. Мне кажется, что я слышу, как она думает. Фей не верит мне, и я не осуждаю ее. Я сам себе не верю в эту минуту. Мой мозг отказывается найти правильный выход, который устроил бы нас обоих.

– Мне нужно время, Фей, – произношу я, чувствуя себя совершенно опустошенным. Какого черта я, вообще, ей позвонил?

– Я должна кое-что сказать. Вчера хотела, но ты был... не в том состоянии, чтобы слушать, – отводя взгляд, произносит Фей. Она выглядит еще более измученной, чем я.

– Говори, – киваю, предчувствуя очередную глыбу нерешаемых проблем.

– Твоя личная помощница... – нерешительно начинает она. – Кайли Грэм. На том приеме мы обменялись с ней телефонами. И иногда созванивались.

– На кой хрен? – напряженно спрашиваю я. Виски снова сдавливает сверлящая боль. – Что, бл*дь, за кружок по обмену опытом?

– Не начинай, пожалуйста, – сдержанно просит меня Фей. – Ничего такого мы не обсуждали. Она просила меня помочь ей с гардеробом, и мы вроде неплохо поладили. Но вчера она звонила в невменяемом состоянии. У нее что-то случилось.

– У нее случился Зак Морган, – яростно отрезаю я. – Надеюсь, ты дала ей правильный совет? Уносить от него ноги до того, как ублюдок сломает ей жизнь?

– Я ничего не успела ей сказать. Кайли повесила трубку. Я просто волнуюсь, и если с ней все хорошо, и она на работе, то позвони мне, как приедешь в офис. Хорошо?

Я какое-то время задумчиво смотрю в заострившиеся черты лица Фей, пытаюсь сложить два плюс два из разрозненного хаоса мыслей и предположений.

– Теперь я понимаю, откуда растут ноги у женской интуиции в отношении других женщин, – насмешливо ухмыляюсь я. Черт побери, кто бы мог подумать, что я пригрел змею, не умеющую держать язык за зубами. – Что она тебе натрепала, эта безмозглая псевдосвятоша?

– А ей есть, что мне сказать? – холодно интересуется Фей.

– У женщин богатое воображение, и из любого пустяка и мелочи вы умудряетесь раздуть сенсацию или трагедию.

– Мы не говорили о тебе. Никогда, – твердо отвечает Фей. Но я не верю. – Теперь я думаю, что мне стоит задать ей пару вопросов. Ты сделаешь то, о чем я прошу?

– Да. А потом уволю ее.

– Джером, даже не вздумай.

– Это не тебе решать, – резко осаживаю я Фей, направляясь в спальню, чтобы одеться.

«Женись на мне!» Брошенное в сердцах требование снова и снова крутится у меня в голове, пока я добираюсь до офиса, поднимаюсь в лифте и даже когда захожу в приемную, отмечая отсутствие на рабочем месте мисс Грэм, с которой у меня намечен серьезный разговор.

«Женись на мне!» «Женись!» Гремит набатом в висках, когда я открываю дверь в свой кабинет, сажусь за стол, рассеянным взглядом уставившись на вспыхнувшие мониторы. «Если ты хочешь защитить меня, то ты знаешь, как это можно сделать...» И черт бы ее побрал, в этих словах есть доля логики и здравого смысла. Логан Морган не раз делал акцент на том, что члены семьи обладают своего рода неприкосновенностью. Аннабель Морган живой тому пример. Кертиса нет в живых, но она по-прежнему находится под защитой и покровительством семьи. Так почему же эта мысль мне ни разу не пришла в голову?

Если я привяжу Фей к себе, как сделал Кертис со своей женой, скажет ли она мне спасибо?

Или причина моих сомнений в другом? Неугомонный Зак Морган? Или мое собственное подвешенное состояние, которое в итоге может закончиться или великим провалом, или оглушительным триумфом. Имею ли я право рисковать Фей, не открывая ей всей правды?

– Джером, можно минуту твоего внимания? – в дверь тактично стучат и только потом открывают. На пороге неуверенно мнется Тим Брекстон. Невысокий худощавый младший брат моего телохранителя. Более непохожих братьев я никогда не видел. Иногда мне кажется, что Тим никогда не переодевается или спит на работе. Помятый, неухоженный, в очках, хотя на выплачиваемый оклад вполне может позволить себе линзы или лазерную коррекцию. Хотя, о чем я? Он даже на стрижку не тратит свое драгоценное время. Тим – тот самый талантливый парень-бюджетник, с которым мы вместе учились, отлично разбирающийся в области компьютерной техники всех возможных чудес программирования и ноу-хау современного мира новых технологий.

– Да, конечно. Заходи, Тим, – вежливо киваю я. – У тебя что-то важное?

– Да. Я по твоему личному заданию, – смущенно бормочет он, сделав несколько шагов. Жестом приглашаю его присесть в кресло напротив, что он и делает. Я отлично понимаю, о каком задании идет речь. Сразу после возвращения из Лос-Анжелеса я велел Тиму заняться учётной записью «Филли Бойл». Мягко говоря, странная реакция Филисити при личной встрече навела меня на мысль, что, вероятно, виртуально общался я с кем-то другим. Не удивлюсь, если это очередные попытки Логана подловить меня, но на чем именно и почему выбрана для шпионажа личность Филисити, для меня остается пока загадкой.

– И что удалось узнать? – спрашиваю я, откидываюсь на удобную спинку кожаного кресла.

– Ничего, – сконфуженно сообщает Тим. – Точнее, я могу сказать, что человек, который тебе писал, использует серьезные программы защиты.

– Так взломай, в чем проблема? – нетерпеливо заявляю я, постукивая по столешнице пальцами.

– Это непростая защита, Джером. Несанкционированное вторжение, скорее всего, окажется замеченным и привлечет внимание соответствующих органов, и приведет к нежелательным последствиям.

– Спецслужбы? – нахмурившись уточняю я. Тим тяжело сглатывает и кивает. Я несколько секунд сижу в оцепенении, переваривая услышанное. Мгновенно мрачнею, ощущая, как вся тяжесть мира легла на мои плечи. Перед глазами замелькали черно-красные точки. В груди надсадно заныло. У меня есть одна единственная догадка, и, черт, я бы все отдал за то, чтобы она не подтвердилась.

– Ты кому-то говорил о моей просьбе? – прочистив пересохшее горло, спрашиваю я. Тим отрицательно качает головой. – А теперь забудь. Понял меня? Этого разговора никогда не было.

– Хорошо, Джером, – поспешно соглашается Тим. – Я могу идти?

– Да. Зачисти мой аккаунт... хотя, – резко вскакиваю из кресла, замечая, как парень дергается, напуганный моей реакцией. – Дай мне сутки. Насколько моя личная линия безопасна?

– Уровень защиты высокий, Джером, но, по сравнению с тем, что использует твой собеседник... Это риск, но, судя по переписке, которая длится два года, один день вряд ли...

– Я дам команду, Тим, – резко обрываю парня. – Свободен.

Я подхожу к окну, утыкаясь пылающим лбом в прохладное стекло, невидящим взглядом смотрю вниз, пытаюсь выровнять бешено скачущий сердечный ритм. И нет, дело не в двух бутылках виски, употребленных накануне, и не сумасшедшем вчерашнем дне, принесшем мне долгожданные ответы и непростые встречи с запутанным прошлым и подвешенным настоящим.

- Джером, - раздаётся в дверях голос Кайли. Явилась, значит.

- Пошла вон. Я тебя вызову, - не оглядываясь, грубо бросаю я, и дверь тихо закрывается. Плевать, как это выглядит со стороны. Мне не до ее душевных терзаний. Сама виновата. Я предупреждал. Сейчас меня больше волнует совсем другой вопрос, точнее проблема, и даже не проблема, мать вашу, а глобальная катастрофа. Достāju телефон, чувствуя, как дрожат пальцы, и захожу в злосчастный аккаунт Кэпа Спенсера. Слабая надежда на то, что я ошибся, и мои маниакальные мысли вызваны посталкогольным синдромом, все еще теплится в глубине души.

Последнее сообщение было написано вчера. Вчера! Я даже не читаю его, а листаю другие, сопоставляя даты, когда Филли писала мне первая. Почти ни одной случайной. Это я идиот. Зацикленный на себе кретин. Как можно было быть таким слепым ослом, не видящим элементарных вещей? Мне стоит уничтожить аккаунт прямо сейчас, но я еще никогда не был так близко... спустя столько лет. Тим правильно заметил, что один день ничто по сравнению с двумя годами. Но мне ли не знать, иногда одна чертова минута может испоганить всю жизнь, сокрушить все, что считал цельным.

Пролистывая сообщения Филли, я смотрю на них совершенно другими глазами и вижу истинный смысл и посыл слов и предложений. Можно бесконечно упражняться в выборе эпитетов для собственной глупости, но самобичеванием делу не поможешь. Я возвращаюсь к последнему письму, с жадностью и болью вчитываясь в ровные равнодушные печатные строчки. Только мне понятен их смысл, печаль и горечь, спрятанная за каждым словом. Я не просто был слепым, но и глухим, чёрствым, бесчувственным эгоистом. Стыдно вспомнить, в последний раз я не хотел отвечать... Боже, и что мне со всем этим делать?

Филли Бойл:Привет, Кэп, ты не ответил на мое последнее письмо. Я волнуюсь. Снова трудишься, не покладая рук? Надеюсь, что с тобой все в порядке. Я не хочу жаловаться и раздражать тебя своим нытьем, но сегодня мне нужно с кем-то поговорить. Снова. Вот такая я навязчивая. Прости, что отвлекаю и трачу твоё

время. Ты можешь не отвечать. Я все понимаю.

Кэп Спенс: Я напишу вечером, Филли. Ты не навязчивая. Я просто был немного занят. Тяжелый день, который когда-то считался счастливым для моей семьи.

Отправляю письмо и убираю телефон в карман. Не могу продолжать сейчас. Мне нужно настроиться, принять это и понять, как быть дальше, чтобы не навредить и узнать хотя бы немного, самую мизерную долю того, что я пропустил.

Возвращаюсь за стол и вызываю Кайли, заказав попутно черный двойной эспрессо. Потом смотрю на часы. До совещания еще сорок минут. Я приехал в офис гораздо раньше, чем рассчитывал. Оно и к лучшему.

- Без сахара? – уточняет притихшая мисс Грэм, поставив передо мной дымящийся ароматный напиток.

- Ты забыла, какой кофе я пью? – резко спрашиваю я, не глядя на нее.

- Что-то случилось? – голос моей личной помощницы звучит жалко. Я поднимаю на нее тяжелый взгляд, замечая темные круги под глазами. Покрасневшие белки глаз, опухшие от слез веки. И ничего, кроме нарастающего раздражения, не испытываю.

- Именно об этом я хотел спросить у тебя. Что случилось, Кайли? Что случилось с девушкой, которую я считал квалифицированным специалистом, ответственным, исполнительным?

- О чем ты? – в недоумении спрашивает девушка.

- Как давно ты общаешься с Фей Уокер? – задаю прямой вопрос, и Кайли смертельно бледнеет, в глазах появляется виноватое выражение.

- Что? – переспрашивает она тихо.

- У тебя плохо со слухом? – мой голос источает холод и раздражение.

- Почему... Я...

– Не мямли, – обрываю грубо, не считая нужным сохранять хотя бы подобие вежливого тона. – Вопрос требует конкретного ответа.

– Мы пару раз ходили по магазинам вместе, иногда созванивались, – смущенно и запинаясь лепечет Кайли.

– И ты сообщила ей о своих выводах, которые недавно озвучила мне? – требовательно спрашиваю я.

– О каких? – распахивает испуганные глаза мисс Грэм.

– Не строй из себя идиотку. Ты прекрасно понимаешь, о чем я говорю. О многочисленных букетах, доставленных по разным адресам, и прочей чепухе. Это такой вид женской солидарности? А как насчет деловой чистоплотности? Ты разве не подписывала соглашение о неразглашении внутренней информации? Или, по-твоему, личные просьбы директора не относятся к данной категории?

В глазах Кайли мелькают слезы, а следом появляется злость, вызывающая у меня не дюжее удивление. Она еще смеет возмущаться в ответ на вполне уместные и оправданные упреки? Даже не упреки, а факты. Я ни на грамм не сомневаюсь в том, что Кайли и есть причина сцен ревности, устраиваемых мне Фей с завидным постоянством.

– Ты не думал о деловой чистоплотности, когда раздавал свои советы, касающиеся моей личной жизни, – упрекает Кайли. Ее наглость только что пресекла последнюю черту. – Почему я должна? И да, это женская солидарность. Кто кроме нас самих...

– Какое ты право имеешь судить и делать выводы в том, что не понимаешь? В том, что тебя вообще не касается? – с ледяным спокойствием спрашиваю я. Девушка бледнеет, выглядит болезненной. Бессонная ночь, не иначе. Ее даже шатает, и чтобы найти опору, Кайли хватается за спинку стула.

– Прости, я просто... Мне казалось, что я поступаю правильно на тот момент. Фей, она выглядит искренней, и я хотела ей добра.

– Я – твоя работа, Кайли. Ни Фей, ни какая-либо другая женщина, которая относится к сфере личных отношений директора компании, являющегося твоим прямым работодателем. Почему я объясняю элементарные вещи? Это бестактно, глупо, это... за гранью моего понимания.

– Я уволена? – потерянно спрашивает Кайли.

– Да. Никаких рекомендаций, – утвердительно киваю я. – Не могу поверить, что так сильно ошибся в тебе, Кайли.

– Мне очень жаль. Я тоже не могу поверить, что так ошиблась в себе, – она вдруг обходит стул и устало опускается в него, ссутулив плечи. Закрыв ладонями лицо, Кайли начинает рыдать. Навзрыд. Моя ярость угасает, потушенная неподдельными полными отчаянья слезами. А вот теперь мне ее жаль.

– Я так понимаю, что помолвка разорвана? – задаю вопрос, ответ на который мне уже известен. Слишком очевидные симптомы. Не в состоянии ответить, Кайли рыдает еще громче, и ядвигаю ей свой кофе. Потом передумав, достаю из ящика стола бутылку виски и стакан. Наливаю ей изрядную порцию и, обойдя стол, буквально силой вставляю в ледяные влажные от слез пальцы.

– Выпей, – приказываю я. Смотрю, пока она короткими глотками, морщась выпивает напиток. Присев на край стола, я молча жду, когда она придет в себя, ну или хотя бы будет способна связно говорить, а не только всхлипывать и хлюпать носом. – Чем я могу помочь? – спрашиваю я ровным голосом.

– Мне нужен расчет, – жалко бормочет мисс Грэм.

– Ты его получишь. Я не собираюсь наказывать тебя штрафами. Что произошло, Кайли? Ты можешь не отвечать, это не мое дело. Но я вижу, что тебе необходимо выговориться.

– Это уже и не мое дело тоже, – ее голос снова задрожал. Сорвался на плач. – Это... это во всех новостных рубриках сети.

– Я слежу только за курсом акций своих компаний, Кайли. Сплетни, распространяющиеся в таблоидах, меня не интересуют, – сухо сообщаю я.

– Кто-то опубликовал видео с названием «Дочь священника отрывается в клубе». Оно везде. Просто везде. Мне такое пишут... – закрывая лицо ладонями, уже бывшая помощница снова срывается на плач. Новый поток слез угрожает затопить офис. Я терпеливо жду, когда девушка справится со своими эмоциями. Долго жду...

– Что на видео, Кайли? – спрашиваю, когда она немного успокаивается.

– Я... – открывает рот, но, так и не выдавив из себя ни слова, бессильно качает головой.

– Смелее. Что ты там делаешь? Пьешь, куришь, нюхаешь кокаин, трахаешься в туалете с Заком? Что?

– Все, что ты перечислил, – выдыхает Кайли едва слышно, и мои брови изумленно ползут вверх.

– Ты с ума сошла?

– Он мне что-то подмешал. Ты был во всем прав. Я ничего не помнила, и видео сама словно первый раз смотрела. Я ушла из дома, живу в отеле. Мне постоянно звонят разные люди, оскорбляют или предлагают отвратительные вещи. Мои родители... они не переживут.

– Через час этого видео нигде не будет, – решительно произношу я, наблюдая за вздрагивающей несчастной Кайли Грэм. Виновница своих бед она сама, но урок слишком жестокий. – Тебе нужно было сразу звонить мне.

– Бионик не владеет СМИ.

– Бионик нет, – не спорю я, протягивая девушке платок, и она благодарно улыбается сквозь слезы. – Я решу твою проблему. Тебе действительно нельзя здесь оставаться. Вернись домой. Объясни все родителям. Они поймут.

– Не могу, – отчаянно всхлипывает, прижимая платок к мокрому носу.

– Сможешь, – настаиваю я. – Имей смелость признать свои ошибки. Они тоже поверили Заку. Он одурачил вас всех.

– Почему?

– Что почему?

– Почему ты добр ко мне? После всего? – она смотрит на меня блестящими воспаленными глазами, и я в очередной раз задаюсь вопросом, как парень, вроде Зака, смог привлечь внимание дочери священника. А как же женская интуиция? Нормы морали, привитые с детства?

– Все оступаются, Кайли, – произношу я. – Я знаю, что такое чувство вины и угрызения совести. В такие моменты необходима поддержка близких. Они единственные, кто смогут понять и не станут осуждать. Поверь мне на слово.

– Спасибо, – сдавленно благодарит меня девушка.

– Вытри слезы. Хватит. Выход есть всегда, – говорю то, что сказал бы мой отец, Стивен Спенсер. Он никогда не имел привычки осуждать людей, не давая им шанса на оправдание.

– Она тебя любит, Джером, – неожиданно говорит Кайли. И я вопросительно смотрю на нее. – Не делай с ней того, что сотворил со мной Зак.

– Я и Зак разные люди, несмотря на то, что носим одну фамилию. Постарайся сделать так, чтобы мы с Фей о тебе забыли, – ультимативным тоном прошу я.

– Я понимаю, – кивает девушка. – Спасибо, Джером, – и всхлипывая, шатаясь, как пьяная, уходит, оставляя меня наедине с кучей звонков, не назначенных встреч, ворохом ежедневных документов и отчетов, и других рутинных задач, которые она обычно выполняла. Похоже, меня ждет занятый и динамичный день. Отдел кадров уже занялся поиском нового референта, прислав на подмогу помощницу одного из исполнительных директоров. Кофе неплохой, а насчет остальных профессиональных качеств можно будет сделать выводы ближе к вечеру.

Через час или даже раньше, как я и обещал Кайли, позорное видео исчезает со всех ресурсов. Я не смотрел его. Посчитал это неэтичным праздным любопытством, хотя признаться, соблазн был. Краем глаза я зацепился за пару комментариев, в которых говорилось, что парень в туалете был не один. Дай Бог терпения и выдержки несчастному отцу-священнику. Надеюсь, что любовь и прощение для него не пустые заученные слова из Библии. Я сделал все, что смог. Бионик и правда не имеет никаких связей со СМИ. А вот Медея контролирует многие новостные ресурсы в сети. Просьба одного из Морганов была мгновенно удовлетворена. Но, разумеется, репутацию Кайли Грэм и ее семьи уже не спасти. Скорее всего, им придется покинуть город, а, может быть, и штат, чтобы избежать позора и насмешек.

После обеда меня ждет еще один важный звонок от юриста Квентина Моро с предупреждением о готовящейся провокации со стороны Логана Моргана. Один из потенциальных инвесторов Бионики, контракт с которым уже находится в стадии подписания, отмывает грязные деньги от нелегального бизнеса через фирмы однодневки. Он находится под колпаком у отдела по борьбе с экономическими преступлениями уже не один год, но эффект разорвавшейся бомбы должен был настичь несчастного сразу же после заключения контракта с Бионикой, которая автоматически попала бы под прицел. Расследование в отношении подставного инвестора велось под грифом секретно, и, к сожалению, Грант Эверетт, мой доверенный детектив, доступ к такого рода информации не имел. Я мог попасть в, мягко говоря, некрасивую ситуацию. Спасибо Моро, он сразу взялся за исполнение своих обязательств. И, к слову сказать, тот же самый юрист от его имени предложил своего рода реванш в отношении Логана. Схема идентична, но против группы компаний, возглавляемым моим заботливым властолюбивым дядей. От меня требовалось связаться с моим человеком в окружении Логана и дать наводку на определенного крупного клиента. И, разумеется, я не отказался от предложения.

Ужин в кругу семьи, состоящей из меня, Джоша и Аннабель не отличается оригинальностью. С недавних пор с нами трапезничает новая сиделка брата – Никки Кэмбел. Ее кандидатуру выбрал и утвердил сам Джош и, несмотря на юный возраст девушки, всего двадцать два года, они неплохо поладили. Ее устроили условия, а Джоша приятная собеседница. Аннабель предсказуемо была против и фыркала каждый раз, когда Никки садилась за стол. Сегодня третий день официальной работы мисс Кембел, и Бель, кажется, окончательно смирилась или пустила ситуацию на самотек. Нужно отдать должное и Аннабель

Морган – свои обязанности она выполняет исправно, согласно нашей с ней договорённости, причем без особого сопротивления, но и высокого воодушевления не демонстрирует. В сложившейся ситуации ее чувства, пожелания и мнение имеют для меня нулевое значение. Главным человеком в доме является Джош, которого много лет незаслуженно унижали, пренебрегали и всячески подавляли его развитие. А сейчас он выглядит довольным, воодушевленным, говорит без стеснения даже в присутствии матери, а это огромный шаг вперед. Если Бель не сорвется и не натворит дел, то результат не заставит себя долго ждать. Я надеюсь на это.

А что мне остается? За ужином я пристально наблюдаю за Аннабель, отмечая, что в ее словах и жестах стало гораздо меньше принужденности и напряженности во время общения с сыном. Если с ее стороны ведется какая-то игра, то она отличная актриса, или же наконец-то Аннабель начала видеть в Джоше не усложняющий и напрягающий ее жизнь объект, а живого человека, единственного сына.

Оказавшись за закрытыми дверями своей спальни, сразу приступаю к действию, вокруг которого крутились все мои мысли в течение долгого и напряженного дня. Энергия возвращается в мое тело, и я понимаю, с чем связан ее неожиданный прилив. Воодушевление, тревога, страх. На самом деле я испытываю бесконечный спектр ощущений и эмоций, как положительных, так и отрицательных. Неоправданный риск, самодурство и эгоизм – на одной стороне весов. На другой только одно – отчаянная потребность.

Кэп Спенс: Филли, привет. Я могу говорить. Ты здесь?

Филли Бойл: Да, привет. Извини за навязчивость.

Кэп Спенс: Как дела у Гаррета?

Филли Бойл: Завтра его отпустят на два дня домой. Мне кажется ему лучше, и его врач считает так же.

Кэп Спенс: Рад это слышать. Ты говорила, что у твоего отца гостиничный бизнес. Какого плана? Сеть отелей?

Филли Бойл: Нет. Одна гостиница. Скорее, гостевой дом, но нам хватает.

Кэп Спенс: Вы с братом тоже решили связать свои профессии с гостиничным делом? Ты никогда не писала, где учишься или училась. Я имею в виду после школы.

Филли Бойл: А это имеет значение?

Кэп Спенс: Если я спрашиваю, значит имеет.

Филли Бойл: Извини?

Кэп Спенс: Просто любопытство. Не хотел быть грубым. Если тебе показалось... Тебе просто показалось.

Филли Бойл: Я не хочу говорить о работе.

Кэп Спенс: Ты шпион разведки?

Филли Бойл:))) Нет. Но состою в волонтерской организации по поиску людей.

Кэп Спенс: Вот значит, как ты меня нашла. Используешь связи в личных целях? А как насчет мечты? Кем бы ты хотела стать, Филли?

Филли Бойл: Ветеринаром.

Читая ответ, я ловлю себя на невольной улыбке. Я не ошибся в своих предположениях.

Кэп Спенс: То есть певицы и актрисы не являются твоими кумирами для подражания?

Филли Бойл: Ты решил засыпать меня вопросами? А как же легкие беседы ни о чем?

Кэп Спенс: Правила нужны, чтобы их нарушать.

Филли Бойл: Некоторые правила созданы для того, чтобы сохранить мир. Их нарушать нельзя.

Кэп Спенс: Но ты нарушила.

Филли Бойл: Что ты имеешь в виду?

Кэп Спенс: Расскажи мне о своем отце, Филли.

Небольшая пауза. Ее смутил мой натиск? Обилие вопросов или непривычная разговорчивость? Могла ли она почувствовать? Пресловутая женская интуиция, которая когда-нибудь меня доконает. Я всегда считал, что у меня есть чутье, но в этот раз оно меня подвело. Может быть, я становлюсь слишком циничным и равнодушным к людям? Я не замечаю чужую боль сквозь слова и строки? Два года я не подозревал, кто скрывается за аккаунтом Филли Бойл. Что, бл*дь, со мной не так?

Филли Бойл: Кэп?

Кэп Спенс: Тебя все еще пугают грозы? Или в Калифорнии они редкость? Расскажи мне об отце, Филли.

Уверен, что она все поняла правильно. Черт возьми, мне так много хочется спросить у нее, но я не имею права. Она молчит, и я чувствую, как от напряжения холодный пот покрывает спину. Неужели я спугнул ее? Пожалуйста, Эби, хотя бы пару слов. Мне кажется, я жду ответа целую вечность, хотя... вечность – понятие растяжимое. Я умею ждать, но не сейчас. Я вижу, как она набирает текст. Мучительно долго. Наверное, пишет, стирает, сомневается, подбирает фразы, способные сказать мне больше, чем сами слова.

Филли Бойл: Папа очень переживает из-за Гаррета. У него даже астма обострилась на нервной почве. Он много работает, почти не отдыхает, чтобы не думать о плохом, но не получается. Ни у кого не получается.

Кэп Спенс: Остановись. Достаточно. Может, ему не подходит выбранная сфера деятельности?

Филли Бойл: У него нет выбора. Его гложет чувство вины.

Кэп Спенс: Я понимаю. Меня тоже.

Филли Бойл: Ты ни в чем не виноват.

Кэп Спенс: Скажи это своему отцу. Объясни ему. У женщин это получается лучше.

Филли Бойл: Слова не работают. Иногда они лишь пустой звук, усугубляющий тишину... ее мы слышим. И одиночество, которое чувствуем.

Кэп Спенс: Ты слишком молода, чтобы рассуждать так. Все будет хорошо, Филли.

Филли Бойл: Скажи это себе, Джером. Ты веришь в то, что все еще может быть хорошо?

Кэп Спенс: Что ты делаешь, Филли?

Филли Бойл: Я плачу... Прости меня, прости нас.

И она выходит из сети. С нарастающим глухим отчаянием, сжимающим тесной петлей грудную клетку, я вижу, как зеленый теплый цвет надежды меняется на безликий серый, тоскливый. Килобайты расстояний снова простираются между нами. Сеть не так всесильна, как нам кажется. Она не способна передать то, что я хотел бы сделать прямо сейчас. Когда в детстве она боялась грозы, ей было необходимо, чтобы кто-то был рядом. И я был. Это то, что нужно каждому человеку – знать, что около тебя есть кто-то, способный в трудный момент защитить и подставить свое плечо. Мне очень жаль, что мы лишены этого. Мы все лишены этого.

Кэп Спенс: Я не хотел расстроить тебя. Нельзя продолжать. Ты знаешь, что нужно сделать. Мы найдем другой способ. Доверься мне.

После исчезновения «Филли Бойл» из сети я несколько часов жду, что ее профиль мелькнет зеленым. И чтобы как-то разбавить мучительное ожидание, одну за другой курю сигареты на балконе, глядя, как в небе между нависшими

над землей тяжелыми серыми тучами, изредка появляется эбеновый лоскут абсолютной тьмы, на котором вспыхивают и гаснут звезды. Набросив на плечи толстовку, я сижу в кресле, бесцельно пялясь в молчаливый холодный небосвод, пытаюсь представить то место, где вот так же смотрят в высь те, кого я потерял. Воспоминания и фантазии, представления, домыслы и предположения – все, что есть у меня сейчас. И немного фактов, которые отнюдь не радуют. Мой отец болен астмой, загоняет себя на работе, чтобы не страдать от ночных кошмаров и тяжелых мыслей. Мой брат стал наркоманом, так и не справившись с пережитым стрессом после уготованной судьбой-садисткой трагедии, неумолимо изменившей жизнь каждого из нас. А Эби несчастна и одинока, и собирается пожертвовать своими мечтами ради отца и брата. Участь женщин сохранять уют и заботиться о нас. Но Эби еще не женщина. Она ребенок, травмированный ребенок, нуждающийся в защите и помощи.

Я все время держу телефон в руке, глядя на не подающий признаков жизни аккаунт «Филли Бойл», и поэтому, когда раздается звонок, я сразу отвечаю, глядя, как на горизонте начинают медленно распространяться бордово-оранжевые блики. По мелодии рингтона я уже знаю, кому понадобился в три часа утра. Если бы я не был так озадачен событиями последних дней, то позволил бы себе удивиться. Фей впервые позвонила мне сама. Боже, сделай так, чтобы ей просто захотелось услышать мой голос. В три утра. Черт.

– Фей? Что произошло? – уставшим голосом спрашиваю я, сжимая пальцами переносицу, потом провожу по волосам, массирую гудящие виски. – Не можешь уснуть, малышка?

– Джером, у меня проблемы, – напряженно объявляет Фей. Отличная новость, что еще сказать... У кого их нет сегодня?

– Так неожиданно, – выдыхаю я, ощущая себя еще более обессиленным, чем минуту назад. – Выкладывай.

– Обещай, что не убьешь меня, – просит Фей, и я понимаю, что дело дрянь.

– Не могу, пока не скажешь, о чем речь, – отвечаю глухим тоном.

– Пару часов назад ко мне приехала Кайли...

- Что? - я даже сигарету роняю, которую только что закурил. - Она знает твой адрес? Я же просил никого не водить. Мы оговаривали это в самом начале.

- Вообще-то ты купил квартиру мне, и фактически я собственница, - напоминает Фей с укором. Согласен, но, бл*дь, я поставил четкие условия. Никаких посторонних людей, гостей, приятелей, приятельниц. Все общение, если в нем есть необходимость, вне стен дома.

- Послушай... - взяв себя в руки, миролюбиво начинаю я.

- Нет, - резко встает в позу Фей, разрушая все мои попытки вести себя цивилизованно. - Я тоже не хочу ругаться и спорить, Джером. Она уже здесь. Поругалась с родителями, ушла из дома. Ей нужно было выговориться.

- Я просил ее свалить из нашей жизни. Какого хрена ей надо? - ледяным тоном спрашиваю я.

- Как ты можешь быть таким жестоким?!

- Что ты хочешь от меня?

- Она не в себе. Совершенно неадекватная. Я даже в ванну отойти не могу. Мне нужно, чтобы ты приехал.

- Тебе нужно иногда слушать то, что я говорю. Ты помнишь, что мы оба завтра работаем? Зачем ты еепустила, Фей? - пытаюсь понять, как можно быть такой безответственной и наивной, и не могу. Какого черта Фей далась эта Кайли?

- Она рыдала и нуждалась в помощи! Я не бесчеловечный робот.

И между слов явственно прозвучало: «в отличие от тебя». Женское сострадание не знает границ, и чем тебе дерьмовее, даже если ты заслужил сполна все дерьмо, происходящее в твоей жизни, тебя будут жалеть и отчаянно тянуть к свету, пытаюсь исправить. Спасительницы всех униженных и оскорбленных, бл*дь.

– Я тоже, – резко отрезаю гневным тоном. – Не долбанный робот. Но она мне никто, и я ничего ей не должен. И ты не должна. Вызови ей такси, дай денег и отправь подальше. Кайли не твоя проблема, – чеканю по слогам, чтобы дать возможность не пропустить ни буквы из сказанного.

– Она не уходит, – в голосе Фей слышится тревога и мольба. – Пожалуйста, Джером.

Вот, черт. И что я должен делать со всей этой дебильной ситуацией?

– Хорошо, – сдаюсь я. – Сейчас буду. Через... – вскидываю руку, чтобы взглянуть на часы. – Сорок минут.

– Ты не дома? – подозрительным тоном спрашивает Фей. Наши квартиры находятся в одном районе, и на то, чтобы добраться до нее, требуется куда меньше времени. А о доме Дракулы Фей ничего неизвестно.

– Нет, – отвечаю я, и Фей отключается, бросает трубку, снова насочиняв себе черте что.

Она в ярости, и слов не требуются, чтобы понять, насколько непростой будет наша встреча. Нездоровая тенденция, совершенно меня не радующая. Почему не может всегда быть так, как в самом начале? Мы практически не ругались, не спорили, много трахались и мало разговаривали, но нас устраивало, или только меня, а она подстраивалась под мои желания? И я могу понять и ее чувства, и обиды, и желание большего, и потребность во внимании, если бы не одно «но». Существенное «но». Фей знала условия, и она приняла их. Я не обещал ей больше чем то, что у нас есть сейчас. Я многим рискую, вступив в стабильные отношения с девушкой, которая по-настоящему мне дорога. В первую очередь я рискую ею – Фей. Если о моей привязанности и слабости будет известно моим врагам, то мы оба можем пострадать. Да, признаю, мне не стоило начинать, я повел себя как эгоист, но отказаться, оставить Фей не способен. Это как вырвать часть сердца. Я злюсь, иногда она меня жутко бесит, но... каждую минуту своей жизни я схожу по ней с ума и не могу остановиться или запретить себе любить ее так сильно.

Я оказываюсь возле дома Фей через полчаса. Ранее утро и отсутствие пробок творят чудеса. А Рони не только надежный секьюрити, но и отличный водитель с

навыками гонщика. Я оставляю его в машине и поднимаюсь на нужный этаж, открываю своими ключами дверь и стремительно прохожу в гостиную, из которой раздаются женские голоса. Первое, что я вижу, точнее первую – Кайли Грэм в одних трусах и короткой майке, надетой на голое тело. Она танцует посреди комнаты под музыку, звучащую исключительно в ее голове. Фей была права – Кайли абсолютно невменяема. Бросив напряженный взгляд на уставшую бледную Фей, едва заметную в просторном мягком кресле возле стены, я вопросительно выгибаю бровь. На ней тонкий шелковый халат и носки с каким-то детским орнаментом. Волосы собраны в пучок на затылке, выражение глаз нечитаемое.

– Почему она раздета? – спрашиваю я резко, замечая на столике откупоренную бутылку водки и стопки, пепельницу с горой окурков. М-да, выбор не для слабаков и нежных барышень. Балкон открыт, в комнате гуляет свежий ветер, но неприятный запах алкоголя и сигаретного дыма все равно ощущается и довольно сильно. Кайли продолжает танцевать, не замечая моего вторжения. – Ты пила с ней?

– Пришлось. Она настаивала. Я думала, что мне удастся уговорить ее поспать. И я пыталась ее одеть, но Кайли все равно раздевается. Пьет, танцует, смеется и требует, чтобы я отвезла ее в какое-нибудь злачное место, – сообщает Фей несчастным голосом, немного растягивая буквы, что свидетельствует о ее далеко не трезвом состоянии. – Она неуправляема.

– Напоить обдолбанную дуру водкой – отличная идея, Фей, – раздраженно бросаю я, снимая куртку. – Ты хотела освежиться? Иди. И приведи себя в порядок. Похоже, вам обеим нужен холодный душ.

– Пожалуйста, не кричи на нее, – попросила Фей, неуверенно поднимаясь из кресла и пошатываясь пошла в ванную. Когда дверь за ней закрывается, я поворачиваюсь к Кайли и в два шага оказываюсь возле нее. Хватаю одной рукой тонкое запястье, а другой приподнимаю подбородок, заставляя смотреть на себя.

– Чем он тебя накачал? – грубо спрашиваю я. Ее отстранённый мутный взгляд с трудом фокусируется на мне. Она не пытается сопротивляться.

– Не знаю, – растягивая губы в резиновой улыбке, отвечает Кайли воркующим низким голосом. – Налил шампанского и попросил успокоиться и свалить. Все меня гонят, Джером. И ты тоже. А Фей не такая. Она лучше вас всех. Ты ее не заслужил.

– Я куда сказал ехать? Ты должна быть дома, – мой свирепый голос звучит приглушенно, чтобы не напугать Фей, которая точно рванет спасать подругу, подумав, что я ее тут убиваю. Спелись, глупые сучки. Клуб брошенных любовниц Зака Моргана.

– Я не могла. Я должна была узнать, зачем он это сделал, – Кайли в замедленном темпе хлопает ресницами. Ее зрачки почти полностью заполняют радужку.

– Узнала? – пренебрежительно бросаю я.

– Он сказал, что никогда не трахал святош. Ему было интересно, – отвечает Кайли совершенно невозмутимым тоном, пытается улыбнуться, и я сильнее сжимаю ее скулы. Она прогибается в спине, прижимаясь к моему телу, начиная тереться об него, как течная сука. Омерзительно. – А тебе не интересно, Джером? Неужели совсем?

Я вытягиваю руку, отстраняя Кайли от себя, с трудом сдерживаясь от желания вlepить ей пощечину, чтобы хоть как-то отрезвить.

– Ты думаешь, мой папочка будет рад видеть примерную дочурку в таком виде? Ты даже представить не можешь, что это такое, когда безразлично кто тебя трахает? С любым потрясно и чертовски мало. И, бл*дь, это лучше, чем вся моя нудная жизнь и фантазии, из-за которых я чувствовала себя грязной каждый раз, когда слушала мессы отца в церкви.

– Ты не понимаешь что говоришь. Это действие наркотика.

– Он сделал меня счастливой, – пьяная сплюснутая от моей хватки ухмылка раздвигает губы Кайли. – Хотя бы ненадолго. Знаешь, какой была моя самая грязная фантазия? Та, о которой я не рассказала бы даже Заку. И тем более Фей!

Она опускает ладонь на мой пах, настойчиво поглаживая и нагло глядя в глаза блестящим похотливым взглядом. Вот, значит, каково действие волшебного Купидона? Это то счастье, за которое платят мужчины свои деньги? Ради того, чтобы посмотреть, как умная самодостаточная девушка с чёткими принципами превращается в разнузданную ненасытную бл*дь? Мне никогда этого не понять. Гребаный извращенный мир, омерзительные ублюдки, считающие себя его теневыми королями.

– Мне не интересно. Убери руку от моей ширинки, Кайли. Там нет ничего для тебя, крошка, – ледяным тоном говорю я. В ответ она хрипло смеется, облизывая губы, и сжимает пальцы, обхватывая выпуклость на джинсах.

– Тебе интересно, – с торжествующим блеском в глазах сообщает Кайли, настойчиво лаская мой член сквозь ткань. – Он растет, я же чувствую. Опыт приходит так быстро, когда очень хочется наверстать упущенное. Я могу отсосать тебе, пока Фей в душе. Тебе понравится. Я каждый день фантазировала, что когда-нибудь ты снизойдешь и до невзрачной удобной Кайли и нагнешь меня над своим столом, задерешь юбку и отымеешь, как одну из своих шлюх, не спрашивая хочу ли я. О, я бы рыдала и проклинала тебя, но не остановила бы.

– Ты спятила, Кайли, – ошеломлённо бросаю я, резко отталкивая девушку от себя, и она падает на диван, хохочет, глядя на меня, и разводит ноги в стороны. Запускает руку в трусики и начинает бесцеремонно ласкать себя. Если убрать моральную сторону вопроса, ее телодвижения спровоцировали определенный эффект, но реакция организма вызывает отвращение и неприятие у разума.

– Прекрати, – яростно приказываю я, сжимая руки в кулаки. Мне нужно плеснуть на нее ледяной водой, чтобы опомнилась, но сомневаюсь, что поможет.

– Останови меня. Давай, Джером. Ты можешь помочь мне только одним способом. Уверена, он понравится нам обоим. По зрачкам вижу, что ты завелся. Мужчины все одинаковы. – Кайли тяжело дышит, явно получая удовольствие не только от ритмичных движений, но и от произносимых пошлых слов. Выгнув шею, девушка издаёт короткий стон, и ее лицо озаряет выражение блаженства. Веки опускаются, между губ выглядывает острый язычок. – Все приходится делать самой. Ну же, Джером. Никогда не думала, что ты ручная верная собачонка, которая бежит по звонку своей сучки и откажется от такой халявы, – открывая глаза, она бросает на меня насмешливый взгляд. Я понимаю, что пока

она в таком состоянии, все мои слова будут перенаправлены в область секса. Она провоцирует меня, даже не она, а то, что сейчас течет в ее венах. Я отхожу к стене, опираюсь на нее и невозмутимо закуриваю сигарету, демонстрируя Кайли свое равнодушие.

– Джером, скажи, что может быть лучше падшего ангела? У нас есть еще пара минут. Давай. Тебе больше не потребуется. И мне тоже. Мы ей не скажем, – постанывая продолжает нести свой бред Кайли.

Вытаскивая руку из трусиков, она облизывает пальцы, скользит ими по своему телу, оставляя влажные следы. Задирает майку, демонстрируя мне свою красивую грудь с торчащими напряженными сосками. Сжимает их пальцами обеих рук, перекачивает, тянет, издавая мурлыкающие похотливые звуки, шире разводя бедра и ритмично приподнимая задницу, словно во время секса. М-да. Это, конечно, полный трэш. Я представляю, что стало бы с ее отцом, явись дочка в таком состоянии в отчий дом. Сердечный приступ обеспечен.

Совершенство, говоришь, да, Квентин Моро? Идеал? Счастье? Так оно, по-твоему, выглядит? Кайли снова добирается до своей промежности, отодвигает в сторону мокрую полоску ткани, обнажая свою распухшую влажную плоть. Потирает клитор круговыми движениями, раздвигая нижние губы, полностью раскрывая свое естество, и загоняет сразу три пальца внутрь с хлюпающим звуком. Пепел падает на пол, но я не замечаю. Глупо отрицать, что меня заводит ситуация. Тут и святой бы среагировал. Вопрос этики, когда перед тобой истекающая от похоти женщина, умоляющая насадить ее на твой член, сам по себе кажется абсурдным. Не уверен, что мог бы похвастаться подобной выдержкой и стойкостью, если бы за тонкой дверью не принимала сейчас душ моя девушка. После я бы сожалел, наверное, или постарался бы забыть. Невольно в голову приходит вопрос: а чем Кайли занималась все то время, пока я не появился? Неужели и Фей пришлось лицеизреть нечто подобное?

– Ты куришь фильтр, Джером, – хрипло смеется Кайли, продолжая ублажать себя пальцами. – Она тебе такого не устраивает, нет? А ты попроси. Она просто боится тебя напугать. Ты же умеешь изображать из себя приличного парня. Как сейчас, да? Не кончишь в штаны, малыш, когда я снова доведу себя до оргазма, пока ты стоишь как идиот и ничего не делаешь?

– Ты себе льстишь. Я видел подобное. И не раз, – ухмыляясь, отвечаю я, закуривая новую сигарету. – В борделях, – добавляю безжалостно.

– Я знаю, что ты просто гребаный лицемер. И Фей знает, но все равно за что-то любит тебя. Может быть, у тебя особенный член? Она же обожает секс, правда? Фей горячая девчонка. И сладкая. Везде. Ты же пробовал? Ну конечно да. Я тоже. Женская дружба она такая. Я уже говорила, что всегда чувствовала себя испорченной? Очень испорченной. Как ты думаешь, что делают две испорченные девочки, когда ты уезжаешь в Полярис, чтобы трахать старую шлюху Ребекку Томпсон? Мы пьем вино, жалуемся на мужчин, а потом лижем друг друга до изнеможения на той кровати, на которой ты долбишь свою подружку, когда возвращаешься.

Кайли бредит, но ее слова вызывают во мне неприятное напряжение. Возбуждение затухает, оставляя отвратительное тягостное ощущение. По телу Кайли проходит судорога, и она кончает с триумфальным стоном. Пот блестит на ее лице, губы подрагивают в умиротворенной улыбке.

– А что нам остается, если вы так легко разбрасываетесь на разносортных бл*дей, слетающихся, как на мед, на ваши бабки, – произносит Кайли, сдвигая ноги и расслабляясь.

– Ты удовлетворена? Может, стоит поспать для разнообразия? – бесстрастно спрашиваю я.

– Не удовлетворена. Я перекусила, но поспать стоит. Налей мне водки. Не будь таким ханжой, – просит Кайли, опуская майку и поправляя трусики. Она садится, продолжая жадно блуждать взглядом по моему телу. – Не думала, что ты выдержишь. Удивительно, но, похоже, ты серьезно влип, мистер Морган. У тебя на лице гримаса брезгливости. Но не из-за того, что я делала. Шоу как раз пришлось тебе по вкусу. Уверена, что ты даже пожалел, что мы не одни. Дело в Фей. Думаешь, я лгу?

– Тебе нужно выбрать хорошую клинику и психиатра, способного поправить твои мозги, Кайли, – равнодушно советую я, отрываясь от стены. Подхожу к столику и наливаю водку в стакан, и протягиваю Кайли.

– Мне никто не поможет. Мне хорошо сейчас. А вчера было плохо и больно. Разница ощутима. Серая гамма вместо палитры цветов. Что бы выбрал ты? – глядя на меня снизу-вверх, спрашивает Кайли.

– Здравый смысл, – отвечаю резко и без раздумий.

– Ты скучный, – скривившись фыркает Кайли. – Она бросит тебя. Ты не готов к экспериментам, а она была бы не против сделать это с нами обоими. Если ты не воплощаешь женскую фантазию, ты ее теряешь. Не фантазию, конечно, а женщину.

– Ты ничего не знаешь о фантазиях Фей, – оспариваю я. Кайли откидывает голову назад и оглушительно хохочет. А потом смотрит на меня абсолютно разумным взглядом.

– Это ты ничего о них не знаешь, мистер Морган, – усмешка кривит алые губы, и она резко выплескивает водку мне в лицо. Я застываю, ошарашенный ее поступком. Страхивая с лица капли крепкого алкоголя, я едва сдерживаюсь, чтобы силой не заставить эту суку заткнуться. – Ненавижу вас всех, – облизываясь, выдает она хриплым голосом. – Безмозглые тупые самцы, метящие все, что попадает на глаза. И ты такой же. Еще хуже, чем твой кузен, кайфующий от развратных монашек.

– Закрой рот, – предупреждающе-рокошущим тоном бросаю я.

– Заткни мне его, попробуй. Если осмелишься. Я с удовольствием вберу до самого основания, – Кайли снова начинает хохотать, как полоумная, и, сорвавшись, я влеплю ей пощечину. Несильную, но убедительную. Она замолкает, распахнув глаза, пару мгновений моргает, глядя на меня неосмысленным взглядом, а потом снова выключается. Закидывает ноги на диван и сворачивается в калачик, повернувшись ко мне спиной. Спустя несколько секунд по равномерному дыханию девушки я понимаю, что она уснула. Так вот значит лекарство от приступа безумия? Может, стоило вмазать еще в самом начале, а не выслушивать всю эту грязь?

Набросив на Кайли плед, я направляюсь на кухню, чтобы сварить себе кофе, и сталкиваюсь в проходе с Фей, выходящей из ванной в белом махровом халате и намотанным на голову полотенцем. Она удивленно хмурится, глядя на меня, потом заглядывает за мое плечо на спящую Кайли и снова испытывающе смотрит в глаза.

– Как ты усыпил ее? – подозрительным тоном интересуется Фей.

– Затрахаля до изнеможения, – раздражено отвечаю я, отодвигая девушку в сторону и проходя на кухню. Встав перед кофейным аппаратом, автоматически заправляю его, выбираю режим, подставляю кружку, ощущая настойчивый взгляд, буравящий мою спину.

– Что ты делаешь? – слышу ее напряжённый голос. Небрежно передергиваю плечами.

– Кофе варю. Ты будешь? – уточняю будничным тоном.

– Где ты был, когда я звонила? – игнорируя мой вопрос, Фей задает свой, видимо считая, что он важнее.

– Тебе это интересно?

– Ты издеваешься? – восклицает она. Я резко оборачиваюсь и опираюсь ладонями на столешницу из натурального камня. У меня есть несколько секунд, пока ароматный напиток капает в мою кружку.

– Ничего не хочешь мне рассказать? – пристально глядя в глаза напротив, стальным тоном спрашиваю я. Фей сдвигает брови, изображая недоумение, в глубине ее зрачков я вижу смущение. И я не знаю... Черт. Не знаю, как должен реагировать. И должен ли, вообще.

– Она же не первый раз здесь, Фей? Чем вы, девочки, занимаетесь, когда никого нет рядом?

– Что эта дура наговорила тебе? – звенящим от напряжения голосом вспыхивает Фей, но я знаю, уверен, что она собирается лгать мне.

– Уже дура, – ухмыляюсь в ответ. – Она считает тебя подружкой. Ты в курсе?

– Да, мне плевать на нее, – яростно восклицает Фей, но по ее реакции и гневу, который мечут бирюзовые глаза, я окончательно убеждаюсь, что обдолбанная мисс Грэм не обманула.

– Ты делала это? Просто ответь! – спокойно требую я, удерживая налитый злостью взгляд.

– Это? – насмешливо уточняет она. – Не можешь выговорить? Что тебя смущает? Назови вещи своими именами, Джером. Занималась ли я сексом с Кайли Грэм? Что, если да? Ты установил запрет на других мужчин. На женщин он тоже распространяется? Давай снова пройдемся по пунктам.

– Ты больная? – холодно спрашиваю, сжимая кулаки. – Скажи мне, Фей, что у тебя с головой? Или с тем, что между ног. Это такой вид нимфомании, когда ты не можешь три дня обойтись без секса? Какого хрена?

– Восемьдесят процентов мужчин заводят фантазии о лесбиянках, – озвучивает она мне какую-то тупую статистику, на которую мне попросту похер.

– Тебе не повезло, – отвечаю резко. – Я вхожу в двадцатку, и я эгоист, Фей. Твое тело принадлежит мне. Если тебе нужен кто-то еще, то не вижу смысла продолжать.

– А как насчет тебя? – вздернув подбородок, вызывающе спрашивает Фей. У нее еще хватает наглости предъявлять претензии.

– Я делаю все, что хочу, – сообщаю уверенным тоном, не допускающим каких-либо сомнений. – А ты нет. Вот мои пункты. Не устраивают, ты меня больше не увидишь.

– Какая же ты скотина, Джером, – взбешенно шипит Фей. Ее красивое лицо искажает отталкивающая гримаса. Я разочарован, зол, и мне стоит уйти, чтобы не наговорить лишнего и не сделать того, о чем я потом сильно пожалею.

– Вот и поговорили. Не смею тебе больше мешать. Точнее вам. Оторвись, детка, – насмешливо бросаю я и направляюсь к двери, забыв про кофе. Вспомнив, что оставил куртку в гостиной, иду туда. Кайли по-прежнему в отключке, но что-то в ее позе заставляет меня насторожиться. Она лежит на спине, голова откинута назад, руки вытянуты вдоль тела. Девушка абсолютно неподвижна, грудная клетка не поднимается. Я медленно приближаюсь, вглядываясь в заострившиеся черты лица, и вижу ее глаза. Распахнутые, застывшие, пустые.

Черт... Внутренности сжимаются в узел, во рту появляется отвратительный привкус. Прижимаю пальцы к вене на шее девушки. Ничего. Стянув на пол плед, беру ее запястье, пытаюсь нащупать пульс. В нос ударяет неприятный специфический запах, смешавшийся со смрадом алкогольных паров и сигаретного дыма. Мой взгляд опускается вниз. Под задницей девушки огромное влажное пятно. Она обмочилась. И она совершенно точно мертва.

Я впадаю в ступор, пытаюсь осознать, что, бл*дь, делать со всей этой херней. Оцепенев, напряжённо смотрю на мертвую Кайли Грэм, каких-то десять минут назад извивавшуюся в экстазе, кончая на собственные пальцы и умоляя меня оттрахать ее рот. В голову приходит идиотская мысль, что она могла умереть подо мной, если бы я решился. Десять долбанных минут. Она не издала ни звука. Как такое возможно? Я не замечаю, как за спиной появляется Фей, но слышу жуткий крик, который я заглушаю ладонью, резко развернувшись и хватая ее.

– Успокойся, тихо. Не кричи, – шиплю я, удерживая бьющуюся в панике Фей. – Ей уже не помочь. Она в твоей квартире. Понимаешь, какие могут быть последствия? Ты пила с ней. Я был с вами какое-то время.

Я медленно расслабляю пальцы, глядя в расширившиеся от ужаса глаза Фей.

– Ни звука, хорошо? Я решу все. Только успокойся, – прошу я твердым спокойным голосом.

– Почему она умерла? Как? – отчаянно всхлипывает Фей, дрожа всем телом.

– Я не знаю. Наркотики и алкоголь. Неважно как. Кто-нибудь в курсе, что она поехала к тебе?

Фей трясётся, как в ознобе, не сводя взгляда с мертвого тела на своем диване. Я встряхиваю застопорившуюся от шока девушку за плечи, настойчиво глядя в глаза, и повторяю вопрос. Фей отрицательно качает головой и начинает горько плакать, сползая на пол и закрывая ладонями лицо.

– Где ее сумка и вещи? – спрашиваю я, получая в ответ неопределенный кивок в сторону одного из кресел. – Хорошо. Я обо всем позабочусь, Фей.

Я беру телефон и набираю номер Брекстона.

– Рони, мне необходима твоя помощь. Нужен еще один человек, который не будет болтать.

Глава 3

Мы в моем пентхаусе. Пьем виски в пять утра, сохраняя гробовое молчание. Напряжение витает между нами, накаляя и без того тягостную атмосферу. В джинсах и свободном бежевом свитере, с заплетенными в хвост волосами Фей так похожа на ту юную девочку, в которую я влюбился много лет назад. Но это лишь иллюзия, зрительный обман. От нас прежних ничего не осталось, кроме воспоминаний. Ее все еще сотрясает мелкая дрожь, лицо кажется осунувшимся и бледным, в глазах простирается болезненное выражение. Она кусает губы и морщится, пока пьет свою порцию виски. Алкоголь, попадая в ранки, неприятно жжет. Наши взгляды сталкиваются в полумраке гостиной и снова расходятся в стороны.

– Я не смогу туда вернуться, – наконец, произносит она надтреснутым голосом. Я опираюсь локтями на столешницу минибара, опуская взгляд в свой полупустой стакан.

– Диван вывезут днем. Я уже распорядился, – мягко говорю я.

– Не могу поверить, что это произошло. Я такая дура, Джером. Все из-за меня, – подавленно всхлипывает Фей.

– Ты не виновата. Это случайное совпадение. Она могла умереть в любом месте. Нам просто не повезло.

– Не повезло скорее ей, чем нам.

– Спорный вопрос, детка. Возможно, сейчас Кайли гораздо лучше. Голова ни о чем не болит.

– Откуда тебе знать, – раздраженно качает головой Фей. – Никто оттуда не возвращался. Мне кажется, там только темнота и холод. И больше ничего, – она вздрагивает, но отстраняется, стоит мне протянуть руку, чтобы обнять ее. Стиснув челюсть, я возвращаюсь к своему занятию – поглощению виски.

– Куда ее отвезли? – хрипло спрашивает Фей, обхватывая свои плечи.

– В северный район, – сухо отвечаю я. – Оставят в одном из парков. Тело найдут через час. Может, раньше. В гетто каждое утро новый труп. Никто не станет искать следы здесь. Если только в ее крови не найдут что-то необычное.

– Что ты имеешь в виду? – напряженно уточняет Фей.

– Ты употребляла что-то, когда жила с Заком? – задаю терзающий меня вопрос.

– Я с ним не жила, – ответ звучит агрессивно. – И с тобой тоже не живу. Это совсем другой вариант отношений. И мой ответ – нет.

– Он предлагал?

– Нет. Но я знаю, о чем речь. О Купидоне. Его используют в клубах и на закрытых вечеринках. Но в гетто вряд ли кто-то способен позволить себе волшебные пилюли. Только дешевый аналог, распространяемый в борделях и притонах. Возможно, Зак дал ей именно его. Поэтому такой эффект.

– Откуда ты знаешь о Купидоне? – холодно продолжаю допрос. Фей отводит взгляд, снова кусая губы.

– Который прежде являлся витаминным комплексом? – уточняет надтреснутым голосом. – Ты знаешь, что его пили беременные? И совсем юные девочки?

– Откуда тебе известно? – говорю по слогам. Фей поднимает голову, встречая мой настойчивый взгляд.

– Моя мать... Она принимала его. Она была за рулем, когда случилась авария. Ее ломало и трясло, потому что отец не мог купить ей новую упаковку. Они разбились из-за этой дряни.

- Мне очень жаль, - задумчиво глядя на девушку, произношу я.

- Херня, - раздражается она. - Тебе плевать. Так же, как на Кайли. У тебя ни один мускул на лице не дрогнул. Ты все контролировал. Словно каждый день просишь своего телохранителя избавиться от трупа. Что ты за человек, Джером?

- Я могу задать тебе тот же вопрос.

- Как ты мог предположить, что я употребляла наркотики? Кто я в твоих глазах? Неужели ты думаешь, я бы стала пробовать эту гадость? Да еще с Заком? Я не наивная идиотка, как Кайли Грэм. И только конченная дура будет пить шампанское в присутствии Зака, не опасаясь, что он ей насыплет туда дури.

- У Кайли не было твоего опыта, - с сарказмом съязвил я.

- Теперь уже и не будет, - Фей отвернулась, сделав вид, что не заметила моего намека.

- Тебе нужно уехать на пару дней, - смягчившись, произношу я, глядя на застывший профиль любимой. - Я договорюсь с твоим директором. Он даст тебе неделю отпуска. Лучше вылететь сегодня, Фей. Я оплачу все расходы. Прости, но с тобой не смогу.

- Я не прошу тебя ни о чем. И мне не нужны деньги. Я работаю вообще-то и получаю зарплату.

- Я закажу и оплачу билеты и гостиницу. Это не обсуждается, - твердо отрезаю я.

- Мне плевать. Делай, как хочешь. Я устала с тобой спорить, - она отрешенно качает головой. Схватив Фей за локоть, я разворачиваю ее к себе.

- Не говори так со мной. Я исправляю твои ошибки, забочусь о тебе.

- Обо мне ли? - горько спрашивает она, поднимая на меня взгляд, полный боли. - Или о своей чертовой репутации, которой нельзя быть замаранной в истории с

наркотиками и трупами.

– Ты и правда так думаешь? – я смотрю в ее глаза, замечая, как выражение гнева и душевной муки сменяется раскаянием. Она сдается и утыкается лбом в мою грудь, позволяя мне обнять ее.

– Прости, – шепчет она. – Это все шок. Прости за то, что впутала тебя в это. За Кайли. Я не знаю, зачем... Она говорила разные вещи о тебе, и я... Было ли все результатом моей обиды и ревности, или попыткой причинить боль тебе сейчас уже трудно сказать. Не понимаю, вообще, как так вышло. Зачем я с ней общалась, как дошло до того, что...

– Хватит. Не надо мучать себя, Фей. Я не злюсь, – мягко обрываю ее я, качая в своих руках, как ребенка. – Ты отдохнешь и когда вернешься, все будет по-другому. Мы начнем все сначала. Больше всего на свете я боюсь потерять тебя, Фей. Я люблю тебя так сильно, малышка. Так чертовски сильно.

– Тогда женись на мне, Джером, – она поднимает голову, и мы смотрим друг на друга вечность. Потом я беру ее лицо в ладони и нежно целую.

– Хорошо, – киваю я, ощущая, как внутри растекается горячая волна нежности. Возможно, для меня это единственный шанс, чтобы сохранить ее рядом. Лиен, Кайла... Я не хочу, чтобы имя Фей стало следующим в списке.

– Пообещай, что не станешь связываться с Заком. Не будешь мстить ему, – просит Фей, и как обычно имя ублюдка вызывает во мне волну ярости.

– За кого из нас ты боишься?

Она толкает меня в грудь, но я настойчиво привлекаю девушку обратно, целуя в затылок.

– Все, малышка, – шепчу я. – Прости. Дурацкий вопрос. Не волнуйся, я не собираюсь устраивать бои без правил. Он не боится физической боли. Я найду другой способ.

– Ты не понимаешь... Он опасен.

– Я тоже, Фей.

Она крепче прижимается ко мне, обнимая за плечи и вставая на цыпочки, нежно целует в губы.

– Я хочу в Париж, – шепчет она. Я улыбаюсь, убирая пару локонов за ее аккуратное ушко.

– Сейчас распорядюсь. Но я думаю, что тебе лучше поспать пару часов. Как насчет второй половины дня?

– Нет. Не могу спать. Может, удастся вздремнуть в самолёте.

– Хорошо, я все организую.

Фей порывисто обнимает меня, словно пытаюсь слиться воедино. Ее ладони зарываются в мои волосы.

– Береги себя, Джером. – с примесью отчаяния умоляет она и оставляет на губах горький поцелуй с соленым привкусом слез и крови. – Для меня.

В десять утра я уже в офисе. Провожу внеочередное собрание руководителей отдела, раздавая распоряжения и подводя итоги отчетного периода. Безумная ночь дает о себе знать рассеянной концентрацией внимания. Я не собран, вспыльчив, не способен формулировать мысли связно и отчего еще сильнее раздражаюсь. Ни кофе, ни энергетики не помогают. Тяжёлое предчувствие и неистребимое ощущение тревоги уводят мои мысли прочь от обсуждаемых вопросов. Я беспокоюсь о Фей и не могу сосредоточиться ни на чем другом. Голова пульсирует от разрозненных дум и нарастающей мигрени. Моя жизнь превращается в хаос, и я не знаю, как остановить запущенный процесс. Как снова обрести почву под ногами, почувствовать уверенность в том, что я делаю.

Несколько деловых встреч после собрания проходят как в тумане. Я говорю, действую, двигаюсь, как заведенный идеальный солдат, но это лишь внешний эффект. Внутри меня ад и пустыня. В три часа дня мои физические и моральные силы на исходе. Я сообщаю временному заместителю Кайли, что собираюсь

покинуть офис раньше, и в этот момент без стука в дверях появляется Зак Морган. Он невозмутимой походкой приближается к столу и разваливается в кресле, игнорируя мой свирепый взгляд.

- Привет, кузен, - ухмыляется раздражающий объект, в свою очередь изучающе рассматривая меня. - Дерьмово выглядишь. Тяжелая ночь?

Мою челюсть ломит от напряжения, кулаки, лежащие на столе, сжимаются до хруста. Он, несомненно, замечает, насколько я рад его визиту.

- Не помню, чтобы тебе было назначено, - грубо отвечаю я.

- Похоже, ты уже в курсе новостей, да? - задумчиво спрашивает он, скользнув по мне холодным взглядом. - Сразу говорю, что я не при делах. Твоя секретарша оказалась не таким уж крепким орешком, как мы оба думали. Копы уже были у тебя?

- Что им тут делать? - бесстрастно спрашиваю я.

- Ну, как же, ты работодатель. А твою подчинённую находят мёртвой в гетто, причем сразу после скандала в сети с ее порно-видео, - прищурился глаза, он выжидает, наблюдая за моей реакцией. - Ты не в курсе, да?

- Может, просветишь?

- Тело Кайли обнаружили утром. По предварительной версии причиной смерти является инфаркт. Представь себе? В таком-то юном возрасте. Сердце не выдержало боли и позора, - еще одна ядовитая ухмылка раздвигает губы ублюдка.

- Ты подонок, Зак, - ледяным тоном сообщаю я. Но для него это не новость. Уверен, он даже гордится собой. - Если думаешь, что сможешь и дальше безнаказанно ходить по земле, то глубоко ошибаешься.

- И кто же меня накажет, Джером? Ты? Или Бог? Ты веришь в Бога? До сих пор? После стольких лет, что провел в нашей верующей семейке? - резкий смех разрезает обличающий монолог. - Лицемер. Ни во что ты не веришь. Но, к слову

о Кайли, я не выкладывал видео в сеть и не имею никакого отношения к смерти этой святоши.

- Ты за этим приехал? Чтобы озвучить свои оправдания? Думаешь, они мне интересны?

- Она была славной девочкой. Мне искренне жаль.

- Свали на хрен отсюда, Морган, - рычу я, не в силах терпеть его вранье.

- Не надо грубить, - насмешливое выражение сползает с мужского лица. - У нас все еще есть договорённость. И ты напрасно подвергаешь сомнениям мои слова. Я не несу ответственности за своих приятелей, решивших немного поразвлечься.

- Она была вчера у тебя? - задаю вопрос, не надеясь услышать правду.

- Да. И я ей сказал то же, что и тебе, - отзывается Зак, смерив меня мрачным взглядом. - Потом мы выпили, занялись сексом, и она уехала. Причем в хорошем настроении.

- Ты накачал ее дурью?

- На кой хрен? Если я чем-то и накачал ее, так это своей спермой. Ну, может, не только своей. Крошка была не против. Косвенно я виновен в том, что случилось, но я не хотел, чтобы она умерла. Кайли сломалась слишком быстро.

- Женщины не куклы, которыми можно играть, а потом выкидывать и говорить, что они слишком быстро сломались.

- Да? И это ты мне говоришь? - дерзко спрашивает Морган, вскинув брови. - У тебя как-то иначе происходит? Ты женишься на каждой? Где, бл*дь, твой гарем? Я хочу на него посмотреть!

- Зачем ты пришел? - игнорируя его выпады, интересуюсь безапелляционным тоном.

- Хочу, чтобы ты выплатил ее отцу моральный ущерб. От меня он не возьмет.

Я, бл*дь, не верю собственным ушам. Этот ублюдок – конченный дебил.

– Думаешь, что он возьмет?

– Оформи как материальную помощь от компании.

– Ты уничтожил не только юную девушку, но и всю ее семью. Ты хотя бы осознаешь, что натворил? – делаю тщетную попытку достучаться до совести Зака.

– Иначе бы я не пришел, – скрипнув зубами, проговаривает он, и я вижу нечто невероятное – подобие раскаянья в его глазах. Или он просто впервые за много недель протрезвел и увидел свое отражение в зеркале с утра, и ужаснулся.

– Я попробую провести платеж как помощь от компании. Только это никак не уменьшит твоей вины.

– У нее три сестры. Им нельзя тут оставаться. А чтобы переехать, нужны деньги, – сообщает Зак. Словно я, бл*дь, не знаю, словно не подумал об этом сразу же, как Кайли рассказала о своем порно-видео.

– У тебя все? – уточняю я нарочито равнодушным тоном. – Можешь теперь съе*аться отсюда?

– Нет, – нагло ухмыляется Зак. – У меня есть новости по Логану. В порту Майами задержали груженное товарное судно одной из компаний отца. Проблемы с документами. И, кажется, там нашли то, чего быть не должно. Новые потери, Джером. Совет директоров Медеи в ярости. Твоя работа?

– Понятия не имею, о чем ты, – передёрнув плечами, отвечаю я.

– Bravo, кузен, – хохотнув восклицает Морган. – У меня есть в разработке очень перспективный партнёр отца. Они сотрудничают много лет, но он засветился в одном борделе. С маленькими мальчиками. Я могу предоставить тебе материалы, если хочешь.

- Хочу, - немногословно отвечаю я. - Теперь у тебя все?

- Теперь да. Я уйду. Удачного дня. И отдохни, Джером. Если хочешь, могу предложить одно отличное место.

- Не хочу.

- Доступно изъясняешься, кузен. Я понял. Исчезаю, - с фальшивой улыбкой Зак встает и неторопливой походкой покидает мой офис. Сколько раз за последние несколько лет я напоминал себе о том, почему не могу выстрелить ему в спину?

Вы думаете, что эта поганая неделя не могла стать еще хуже? Я тоже. Но мы с вами прогадали. Самый главный сюрприз ждал меня впереди. Я покинул офисное здание Бионик сразу после ухода Зака и в сопровождении секьюрити поехал в семейное гнездо Морганов. Никакого церемониального обязательного ужина. Немного пообщался с Джошем, перекусив с ним на кухне, и, убедившись, что он в хорошем настроении, ушел к себе, оставив парня на попечении симпатичной сиделки. Увидеть Аннабель не посчастливилось. Приняв душ, рухнул в кровать, намереваясь спать до самого утра. И вырубился, едва голова коснулась подушки. Мгновенный провал без сновидений и посторонних мыслей. Мой организм выдохнул и готов был отблагодарить наутро бодрым состоянием духа, но не тут-то было.

Посреди ночи меня будит навязчивый телефонный звонок. Я не беру, продолжая спать, нет сил даже руку протянуть за ненавистным гаджетом, не прекращающим вибрировать и издавать раздражающие звуки. И в какой-то момент я сдаюсь, позволяя сознанию вернуться в брэнное тело и открыть глаза навстречу реальности. Я дотягиваюсь до прикроватной тумбочки, где оставил свой телефон, часы и прочие личные вещи. Взглянув на номер абонента, мысленно матерюсь. Номер не определен. Отлично. Только ночных розыгрышей от анонимов мне не хватает для полного счастья. Но по какой-то необъяснимой причине я нажимаю на кнопку принятия вызова, поддавшись тревожному предчувствию.

- Доброе утро, Джером, - лаконично приветствует меня голос Квентина Моро. Остатки сна окончательно выветриваются, и я резко сажусь на кровати, спуская босые ноги на пол.

- Утро? Мне казалось, что ночь, - хмуро отвечаю, оглядываясь по сторонам.

- Подними жалюзи, Джером. Сейчас десять утра, - спокойно сообщает он.

- Черт, - вырывается у меня, когда я нахожу подтверждение словам Моро на экране мобильного. Если быть точным, пять минут одиннадцатого. - Я не слышал звук будильника.

- У меня для тебя плохие новости, Джером, - траурным тоном продолжает Моро, и первая моя тревожная мысль принадлежит Фей. - Логан добрался до Кеннета Гранта.

Это имя я ожидал услышать меньше всего. Бл*дь, я надеялся вообще никогда его больше не услышать. Нет, не могу поверить. Программа защиты свидетелей не может провалиться дважды. Невозможно... Отрицание - первая реакция, следующим идет полное оцепенение. В голове раздается гул, и я не могу выдавить из себя ни слова.

- Семь лет назад он с детьми поселился на Канарах под именем Кристофер Флорд, - невыразительным тоном Моро продолжает вбивать в меня один кол за другим. - Открыл небольшой отель и сдавал в аренду пару яхт туристам. Полтора часа назад одна из яхт, на которой Кеннет находился вместе с детьми в открытом океане, взорвалась.

- Нет, - глухо выдыхаю я.

- Я сожалею, - произносит Моро. - Мне сообщили только что. Информации совсем мало, но будет больше. Я уже этим вплотную занимаюсь. Как только свидетель защиты погибает, его местонахождение перестает быть тайным для определенных структур.

- Я не верю, не верю, - повторяю снова и снова. Вскликаю и мечусь по спальне, отрицая самую вероятность подобного.

- Она писала тебе, Джером? Эби, кажется? Ты не виноват. Мне нужно знать, что было в той переписке.

Я хрипло рассмеялся. Не виноват? Я должен был удалить к чертям все следы нашего общения, как только узнал, кто скрывается под никнеймом Филли Бойл, но собственные эгоистические желания взяли верх над здравым смыслом. Какие-то два дня, два гребаных дня. И как мне жить с этим? Это я их убил, я привел к ним Логана. Снова, черт возьми.

– Ты слышишь меня, Джером? – не дождавшись ответа, настойчиво спрашивает Моро. Я не могу его слушать, воспринимать информацию. Я не способен думать, дышать. Все органы чувств атрофированы. Я даже двигаться не могу. Застываю, как шизофреник в стадии окаменения, ощущая полное бессилие и отказ организма бороться за жизнь дальше.

– Джером, очнись, – повышает голос Моро. Я вздрагиваю и снова начинаю чувствовать. – Мои специалисты уже занимаются тщательным расследованием случившегося. Система защиты Кеннета была взломана, а это не работа дилетантов-хакеров. Его сдали свои же. Не ты. Я говорю тебе о дочери Кеннета только потому, что информация о твоём с ней общении попала к Логану. Что бы он ни хотел получить от Кеннета, это не пять миллионов долларов. Не те деньги, ради которых ведут десятилетние войны. Поверь, связи, что он задействовал, чтобы достать Кеннета, стоят дороже пяти миллионов. Если она передала тебе какую-то информацию от отца, я должен знать. Ты следующая цель, понимаешь?

– Мне плевать, – рявкаю я.

– Мне нет, – хладнокровно отвечает Моро. – Подумай о том, что ты уже сделал. Мы раздавим его, уничтожим. Соберись, Джером. Он отнял у тебя все. Сделай то же самое.

– Нет смысла.

– Смысл есть всегда, Джером. Подумай о своей девушке. Как думаешь, что он с ней сделает?

– Ты знаешь о Фей?

– Конечно знаю. А о Джоше подумал? Что будет с ним, если ты сдашься? Тебе есть о ком заботиться, ради кого жить. Не правда ли? Парень, мы заставим Логана заплатить. Он убил мою жену. Он уничтожил твою семью. А сейчас

держит прицел на твою жизнь и мое место в корпорации. Если он получит еще больше власти, сколько еще людей пострадают? Его пора остановить, или ты хочешь, чтобы Логан и дальше творил все, что ему вздумается?

- Нет... Я хочу поехать туда. Я должен похоронить их.

- Взрыв произошел в океане. Хоронить нечего и некого, Джером. Тебе лучше остаться здесь. Лететь туда опасно и бессмысленно.

- Я должен. И я поеду, - хрипло произношу я, закрывая глаза и борясь с обжигающей головной болью.

Их больше нет. Никого. Эта мысль сверлит воспаленный мозг, отказывающийся принять, поверить. «Я плачу», написала мне Эби еще вчера. Я оставил ее в слезах. Умирать.

- Хорошо. Завтра. Завтра я все организую, - настойчиво тянет меня в беспощадную реальность уверенный голос Моро.

- Я сам. Сегодня. Не нужно, чтобы кто-то знал, куда я лечу, - сбивчиво бормочу я.

- Хорошо. Я понимаю. Я даю тебе неделю на траур. Возьми несколько дней. Тебе нельзя сейчас работать.

- Мне необходимо сейчас работать.

- Твое право. До связи. Я сообщу, как только у меня появятся данные по расследованию.

В трубке раздаются короткие гудки, но я продолжаю держать ненавистный гаджет напротив уха, не в силах пошевелиться. А потом сползаю по стене, на которую опирался. Вытягиваю вперед ноги, натыкаясь на ножку прикроватной тумбочки. В спальне по-прежнему темно. Плотные жалюзи не пропускают сияние рассвета, и мне кажется, что я бы умер или ослеп, если бы увидел сейчас, как на горизонте невозмутимо светит солнце. Дождь или снег. Темнота. Завывания ветра, промозглый холод. Больше ничего не нужно.

Опускаю телефон и смотрю на экран, пытаюсь выбраться из микрокосмоса ужаса и отчаянной боли, пульсирующей в венах. Мне нужно сконцентрироваться, собраться, выстроить в голове план действий. Первым я звоню Тиму Брекстону.

- Зачисти все, - произношу я, не узнав собственный голос. - Сейчас. Я буду на связи, пока ты это делаешь.

- Ты уверен?

- Да.

- Хорошо. Сейчас сделаю.

- Я жду.

В трубке воцаряется тишина, нарушаемая фоновыми офисными звуками. Телефонные звонки. Приглушенные разговоры сотрудников, чей-то смех, методичные удары по кнопкам клавиатуры.

- Джером? Ты здесь?

- Да.

- Последнее сообщение. Оно не прочитано.

- Исходящее?

- Нет. Письмо от Филли Бойл, - произносит Тим, и мое сердце останавливается на какое-то время, волна холодного озноба накрывает все тело.

- Когда? - хрипло спрашиваю я.

- Двадцать три минуты назад.

Я резко втягиваю воздух, ощущая, как жизнь медленно возвращается в измученный организм.

- Что в нем? – голос звучит спокойно, но внутри буря. Резкий прилив энергии заставляет меня вскочить на ноги.

- Цифры. Не уверен, но мне кажется, что это координаты. Удалять?

- Перешли мне цифры кодированным письмом и продолжи. Ни одного следа не должно остаться.

- Будет сделано, Джером. Ты можешь на меня положиться.

- Я знаю, Тим. Спасибо.

Глава 4

Канарские острова, о. Тенерифе.

Кажется, она задремала или провалилась в беспамятство, вызванное мощным нервным потрясением. Не хотела ни думать, ни осознавать. Скользнув воспалённым взглядом по расплывающимся очертаниям комнаты, она издала надрывный вопль, словно раненое животное, и уткнулась лицом в ледяные колени, понимая, что кошмар, свидетелем и участником которого стала, ей не приснился.

Из груди вырывались сухие рыдания, сотрясающие тело и душу, раздаваясь в звенящей тишине небольшой комнаты. Слез не осталось, только горечь, ощущающаяся во рту и жгущая веки. Ни один луч света и ни один звук не проникал в замкнутое пространство, защищенное пуленепробиваемыми стенами. Рев океана, удары волн, разбивающихся о скалы, шум ветра, крики птиц – все это было там, снаружи, а здесь кромешная тьма и абсолютная тишина, в которой биение собственного сердца звучало, как звон колокола, а прерывистое дыхание, как рокот песчаной бури в пустыне.

Элизабет Флойд прижалась спиной к окну, надежно защищенному бронированными рольставнями, откидывая голову назад и крепче обхватывая

руками колени, продолжая трястись в ознобе. Она замёрзла. В середине осени ночи на острове становятся прохладнее, стены не пропускают тепло, и внутри температура поддерживается системой кондиционирования, которую девушка забыла включить. Элизабет пошевелилась снова, ощущая резкую боль в мышцах. Тело затекло от долгих часов, проведенных в одной позе на полу своего убежища. Дышать стало тяжело. Нащупав на полу пульт, нажала пару кнопок. Раздалось механическое жужжание, и ставни медленно поползли вверх, запуская в окна розоватое свечение первых лучей рассвета.

Зажмурившись, девушка взглянула на алеющий на горизонте океан, сливающийся вдаль с бескрайним, освещенным золотыми и красными вспышками небом. Сколько раз она видела этот пейзаж, испытывая совершенно другие чувства?

Сглотнув подступившую к горлу желчь, Элизабет запустила в спутанные волосы дрожащие пальцы и отчаянно всхлипнула. Ее взгляд опустился к основанию каменной лестницы, выбитой прямо в скале, ведущей к небольшой пристани. Именно там она вчера утопила гидроцикл и насквозь мокрая поднялась в дом между скал, построенный несколько лет назад отцом в качестве убежища на экстренный случай. И он настал, черт побери. Они должны были оказаться здесь все вместе...

Элизабет отвернулась, спрятав лицо в ладонях. «Это не со мной» – твердила она, но самовнушение не работало. Закрывая глаза, Элизабет не оказывалась в безопасности, не могла укрыться от случившегося. Жестокая реальность не отступала, она проникала даже сквозь сомкнутые веки, не давая забыться, выдохнуть хоть на мгновение.

Они должны были оказаться здесь все вместе... Или остаться там... все вместе. Одна и та же мысль на протяжении долгих часов безжалостно пульсировала в голове, причиняя боль. Так не бывает. Так не может быть, думала она.

Несправедливо.

Почему мы. Почему опять мы.

Еще вчера ничего не предвещало беды. Рассвет, солнце. Штиль. Яхта... Первая совместная прогулка за много месяцев. Отцу с таким трудом удалось уговорить

лечащего врача отпустить Гектора на два дня домой. Элизабет так радовалась возможности увидеть брата и побыть всем вместе вдали от рутинных проблем и рабочих будней. Гектор остался ночевать на яхте, чтобы подготовить ее к отплытию. Элизабет хотела остаться с ним, но Гек сказал, что ему нужно побыть одному, подумать, и она ушла, хотя сильно волновалась, что брат сорвется, отправится в город искать дозу или выпьет алкоголь. Утром вместе с отцом они застали Гектора в отличном настроении и без каких-либо подозрительных симптомов.

Вспоминая безмятежное начало утра, Лиз пыталась понять, не было ли каких-то знаков или сигналов вселенной, которые она пропустила? Малейшей подсказки, указывающей на вероятность скорой трагедии? Предчувствия, тревога, сны?

Нет. У всех было прекрасное настроение, светило солнце, дул попутный ветер, океан мирно покачивал яхту на волнах, а вслед за белым судном, разрезающим прозрачную толщу воды, летели чайки. Прошло не более получаса, может даже меньше, когда отец заметил, что забыл лекарство от астмы. Аэрозольный баллончик, без которого не обойтись во время приступа, а они случались довольно часто. Рисковать было нельзя. На яхте находился гидроцикл, и Элизабет вызвалась быстренько прокатиться до берега за лекарством туда-обратно. Все произошло в какие-то минуты.

Вот Гек помогает Лиз спустить на воду гидроцикл, отпуская шуточные замечания, и она смеется в ответ. Вот она заводит мотор и машет рукой стоящим на палубе отцу и брату, а потом разворачивается в сторону берега и несется по волнам. Волосы бьют по плечам, брызги и ветер в лицо.

Она отплыла не больше чем на двести метров, когда раздался грохот, от которого заложило уши, ударная волна жаром опалила спину, скинув в океан. После случая в бассейне в раннем детстве, она научилась плавать, иначе все закончилось бы так, как и должно было быть.

Выплыв на поверхность воды, Элизабет развернулась и, задыхаясь от запаха гари и охватившего тело и разум ужаса, увидела черный пепел и дым, поднимающийся в небо, и объятую огнем яхту, точнее то, что от нее осталось после взрыва. Вокруг медленно уходили под воду оторванные запчасти корпуса, обшивка, предметы мебели, пластиковая посуда, личные вещи. Она закричала, едва не теряя сознание, ушла под воду, захлебываясь вынырнула снова, продолжая кричать, звать на помощь.

Дальше было все как в тумане. Элизабет забралась на гидроцикл и какое-то время нарезала круги вокруг догорающих обломков, надеясь на чудо. Рыдала и звала отца и Гектора, хотя в глубине души уже понимала, что спастись при такой силе взрыва невозможно. Понимала, но смириться и принять не могла. Отец много раз инструктировал и ее, и брата о том, как вести себя в непредвиденных и опасных ситуациях, но когда видишь смерть своими глазами, инструкции не работают. Паника заглушает инстинкт самосохранения, горе и ужас перекрывают определенные навыки выживания, заложенные с детства. Элизабет знала, отец говорил, не давал забыть, напоминал каждый день, что опасность рядом, подстерегает на каждом шагу и может подойти в любой момент и в самом непредсказуемом месте. Элизабет знала, что их ищут, и знала кто, и знала почему. Она дохера всего знала, но глядя, как тонут обломки яхты, на которой провели последние секунды жизни отец и брат, Лиз забыла обо всем, поддавалась панике, растерялась. В полуобморочном состоянии, практически на автопилоте, девушка направила гидроцикл в сторону спрятанного между скал дома, надежного пристанища с непробиваемыми стенами, построенного отцом на тот случай, если им придется на время скрыться.

Оказавшись внутри, она первым делом вошла в кабинет отца, оборудованный всевозможной современной компьютерной аппаратурой, системами видеонаблюдения, слежения, огромными мониторами. Отец предупреждал, что если с ним что-то случится, она или Гектор должны запустить программу очистки жестких дисков и самоликвидации всех систем, включая любую электронную связь с внешним миром. И отец оставил только один контакт, по которому можно связаться в критический момент и попросить помощи до полного уничтожения систем. Но прежде, чем запустить программу ликвидации данных, Лиз отправила свои координаты двум контактам. Возможно, она совершила ошибку, но поступить иначе не могла.

И вот сейчас, сидя на полу, Элизабет Флойд, пряча лицо в дрожащих ладонях, пребывала в состоянии ужаса и оцепенения в ожидании двух вариантов исхода для нее: смерть или спасение. Третьего не дано. Первые часы она не могла поверить в случившееся. Потом жалела, что не задержалась на яхте на несколько минут дольше и не погибла вместе с отцом и братом, а теперь... теперь ее охватила полнейшая апатия. Не хотелось двигаться, бороться, не хотелось жить. Ее мучила жажда, но не было сил встать и пойти к кулеру, чтобы налить воды. Сердце билось, кровь струилась по венам, дыхание вырывалось из лёгких, но внутри было так холодно и пусто, что казалось, что она уже умерла.

Звук вертолетной вертушки Элизабет Флойд услышала не сразу. Рассеянное сознание с трудом воспринимало внешние факторы и раздражители. Она подняла голову, только когда шум рассекающих воздух мощных лопастей стал оглушительным. Повернувшись, девушка с трудом встала на ноги, опираясь ладонями на стекло. Большой, стального цвета вертолет с красными полосками и надписями, оборудованный понтонами, сел прямо на воду на расстоянии пятидесяти метров от примыкающей к берегу небольшой прямоугольной пристани. Как замороженная, Элизабет Флойд отрешенно наблюдала, как железная огромная птица медленно приближается, разгоняя вокруг себя волны потоками воздуха, выпускаемыми вращающимися лопастями. Ее заторможенные реакции являлись последствиями шока и морального истощения. Она едва держалась на ногах, быстрое прерывистое дыхание срывалось с губ. Озноб не отступал, усиливаясь с каждой минутой, заставляя стучать зубы. Ее хлопковая майка и джинсовые шорты высохли за ночь, но она все равно чувствовала себя так, словно ее накрыло ледяной волной. Мысленно Элизабет все еще была там, в океане, беспомощно барахтаясь в воде и глядя, как огонь пожирает последние обломки яхты, черный дым, копоть, пепел...

Вертолет максимально подплыл к пристани. Металлическая дверь автоматически поднялась вверх, выпуская троих мужчин в непривычных этому району черных безупречных костюмах и закрытой кожаной обуви. Они стремительно направились к ступеням, ведущим наверх, к дому, замаскированному под обычную рыбацкую хижину, а внутри оборудованную по последнему слову техники. Элизабет видела, как они поднимаются: высокие, крепкие, излучающие опасность, уверенность, силу, но ничего не предпринимала. Да и что она могла сделать? Одна против троих мужчин. Их цель – убить или спасти – одно из двух. Жить гораздо проще, когда количество вариантов ограничено. Где-то под ногами рядом с пультом валялся пистолет, которым она умела пользоваться, но девушка не спешила наклоняться за оружием. Все казалось бессмысленным. Что может быть страшнее, чем взорвавшаяся на твоих глазах яхта с близкими людьми на борту?

Однако когда до дверей дома осталось десять или чуть больше ступеней, страх пришел, он обрушился на хозяйку дома лавиной, прошелся дрожью вдоль позвоночника, и оказалось, что умирать она еще не готова. Суровые сосредоточенные лица надвигающихся мужчин не внушали никакого доверия или надежды на то, что за ней явились спасатели. Да, у них не висели на плече автоматы, и незнакомцы не выглядели, как головорезы и беспредельщики, но опасность очень часто замаскирована под цивилизованными масками, облаченными в дорогие дизайнерские костюмы. Девушка почувствовала, как

гулко и быстро забилося сердце в груди, вернулась ясность мысли и осознанность происходящего. Страх запустил мощный выброс адреналина в вены, наполнив тело энергией.

«Идиотка, чего ты стоишь!» – мысленно влепила себе пощечину. Посмотрев вниз, на приближающихся незнакомцев, бегло оценила расстояние. Черт, времени мало. Элизабет подняла пульт, нажимая кнопку, запускающую механизм закрытия бронированных рольставней вдоль всего дома. Схватила пистолет, прячась за металлическую перегородку, отсекающую кухонную зону от гостиной. В помещении становилось темно, как ночью. Твердые шаги непрошенных гостей все ближе, громче. У самой двери. Она слышала, как пугающие уже только своим видом люди переговаривались вполголоса, но не разобрала ни слова. Возможно, кто-то из мужчин успеет пройти до того, как ставни закроются. С одним она справится. Ну или попытается. Почему бы не попалить напоследок? Она еще ни разу не стреляла в живую мишень. Только в нарисованную. Неужели пригодятся навыки, до этого момента считавшиеся бесполезными? Нервно усмехнувшись, девушка вспомнила, что не надела линзы, и вряд ли сможет попасть в цель, но попытаться стоит. Ей нечего терять, кроме собственной жизни. Стоило затаить дыхание, как стали слышны шум, скрежет и скрип со стороны входной двери. Элизабет проверила наличие патронов и двумя руками обхватила пистолет, не собираясь сдаваться без боя.

То, что внутри кто-то есть, она почувствовала по тому, как встали дыбом волоски на собственном затылке. Пришлось сильнее сжать оружие, вслушиваясь в каждый шорох в окутанном мраком доме. Свет включался либо пультом, либо хлопком в ладоши. Она аплодировать точно не собиралась. В темноте у нее больше шансов выстрелить первой, но гораздо меньше – попасть.

Первый шаг мужчина сделал спустя тридцать секунд, в течение которых Лиз вся покрылась холодным потом. Потом еще и еще один. Словно перепуганный зверек осторожно выглянула из-за перегородки и смогла разглядеть темный силуэт. Спряталась обратно. Врут, когда говорят, что в темноте все кошки серы. Они черные. У черного огромное количество оттенков цвета. Куда больше, чем у знаменитого серого. Если поразмыслить, то и сам серый является оттенком черного, его тусклой тенью. Черт, о чем она думает?

– Эби? – спокойный мягкий мужской голос разрезал тишину, едва не заставив девушку подпрыгнуть от неожиданности. Ха, так и повелась. Если вычислили, значит, все о ней знают. И имя в первую очередь. Придумай что-нибудь другое.

Те, кому она доверяла, точно начали бы не с озвучивания очевидного факта.

– Не прячься, Эби. Тебе нечего бояться, – продолжил незнакомец. Приятный голос и в то же время твердый, уверенный. – Я получил твое сообщение. Я знаю, что ты здесь. Я приехал за тобой, чтобы увезти в безопасное место.

Девушка напряглась. Это уже ближе. Сообщение получили два человека. Доверенное лицо отца и Джером. Но ни тот, ни другой не были тем, кто говорил сейчас с ней.

– Эби?! Не прячься от меня, – снова позвал мужчина, делая еще несколько шагов. Девушка услышала его тяжелый вздох и потом... хлопок. Свет вспыхнул автоматически, ослепив Элизабет и вызвав волну паники. Она выскочила из своего укрытия и направила обоими руками пистолет на незнакомца с отчаянным воплем:

– Стоять, на хрен, мозги вышибу, – кажется, она слышала нечто подобное в фильмах. Звучало внушительно и пугающе.

– Эй, крошка, я без оружия!

Удивить удалось точно, поняла девушка по тому, как парень в костюме резко остановился, поднимая вверх руки ладонями вперед.

– Никакая я тебе не крошка, мудака, – рявкнула она свирепо, откидывая за спину густые волосы и глядя в синие глаза, наблюдающие за ней с серьезным сосредоточенным выражением. Не опуская пистолет, девушка сделала шаг назад, напряженно разглядывая незнакомца с поднятыми руками. Он выглядел молодо и чертовски привлекательно для киллера или наемника. Легкая щетина, правильные черты лица, красивые скулы, глаза, губы. Все красивое, даже стрижка. Выбритые виски, удлинённый вверх, уложенный с нарочитой небрежностью. Смущало только выражение лица: жесткое, не по возрасту суровое. И взгляд острый, тяжёлый, вызывающий внутреннее смятение и еще какое-то тревожное ощущение...

– Эби, – что-то мелькает в глазах незваного гостя, когда он снова делает шаг в ее сторону – усталость, боль, тоска с примесью все того уже удивления. И она застывает, не пытаясь и дальше махать пистолетом, угрожая расправой.

Девичий взгляд мечется по мужскому лицу, по высокой спортивной фигуре, просматриваемой даже под строгим дорогим костюмом. Не во внешности, не в голосе, а скорее на уровне подсознания и инстинктов она ощущает нечто знакомое в стоящем напротив молодом парне со взрослыми уставшими глазами, и узнавание разрастается с каждой секундой, заставляя сердце сжиматься от надежды.

– Не на такую встречу я рассчитывал, сестренка, – произносит он, опуская левую руку и потирая подбородок правой.

Ее взгляд устремляется к его пальцам, пистолет падает на пол, вывалившись из ослабевших ладоней, чудом не выстрелив при ударе. Несколько секунд она потрясённо смотрит на парня, а потом с разбегу бросается на шею, обнимая за плечи обеими руками.

– Никакая я тебе не сестренка, – со слезами на глазах бормочет девушка и, разразившись рыданиями, прячет лицо на каменной груди, уткнувшись носом в ямочку под горлом.

– Ты забыла добавить «мудак», – произносит он, одной рукой гладя ее содрогающуюся от всхлипываний спину, а другой утешающе водит по длинным черным волосам.

– От тебя пахнет сигаретами и морем, – затихнув, приглушенно бормочет она. Слезы облегчения насквозь промочили его пиджак и рубашку.

– Я летел над океаном и курил, – наклонив голову, Джером устало улыбается в ее волосы. Девушка поднимает голову, отстраняясь и все так же внимательно изучая когда-то ставшее по воле рока родным лицо. Он убирает спутанные волосы за ее маленькие ушки, проводит указательным пальцем по щеке, стирая стекающую слезу. Сердце ее сжимается от нового приступа боли, усилившейся стократно в безопасных крепких объятиях человека, которого она уже и не надеялась увидеть.

– Я чуть тебя не убила, – вздрогнув от собственных слов и их смысла, прошептала Лиз. В глазах напротив застывает гнетущее нечитаемое выражение. Он выглядит ожесточенным, озлобленным, полным внутренней ярости, сдерживаемой только присутствием сестры.

– Поверь, ты сделала бы мне одолжение, – тяжело вздохнув, произносит Джером, скользнув по ней беглым взглядом. Она снова прижимается щекой к промокшему пиджаку, слушая громкое и как ни странно успокаивающееся биение его сердца.

– Что происходит, Джерри? И когда это кончится? – задается она вопросом, хотя уверена, что у него нет на него ответа.

– Нам нужно уходить. Нет времени на разговоры. Дом заминирован? – он отстраняется, берет девушку за руку и ведет к дверям. Она согласно кивает:

– Да.

– Подними ставни. Ничего не бери, Эби. Только себя, – его губы изгибаются в улыбке, но взгляд остаётся серьёзным и сосредоточенным. Джером останавливается возле заблокированного входа, наблюдая, как Лиз управляется с пультом.

– Меня зовут Элизабет Флойд, – сообщает она, поднимая голову и глядя в синие глаза.

– Я знаю, Эби. Пришло время и мне представиться... Меня зовут Джером Морган, – когда он произносит слово Морган, собственный рот кривится в пренебрежении.

– Я знаю, – она опускает длинные черные ресницы, влажные и тяжелые от слез. Комнату постепенно снова наполняет солнечный свет.

– Как много? – хмурится брат, пристальнее всматриваясь в черты ее лица и крепче стискивая в пальцах хрупкое запястье. Она бросает на него задумчивый взгляд и отводит в сторону.

– Все, что знал отец, – едва слышно говорит Элизабет и отступает в сторону. Рольставни полностью поднимаются, и девушка толкает стеклянную дверь.

Они выходят из дома вместе. Снаружи их ждут молчаливые, brutальные и серьезные «люди в черном». Вблизи они вовсе не кажутся похожими. Один

абсолютно лысый, огромный качок средних лет со шрамом вдоль виска и на нижней губе, другой более поджарый, с коротко стриженными волосами и проглядывающими татуировками на висках. Обоих суровых мужчин объединяет исключительно военная выправка и цепкий пронзительный взгляд. И черный костюм, разумеется. Кстати на Джероме все-таки не черный, а темно-графитовый и синяя рубашка под цвет глаз.

- Все в порядке? - спрашивает лысый. Джером коротко кивает.

- Уходим, - добавляет твердым тоном.

- Секунду, - Лиз поворачивается к дверям и набирает на сенсорном замке комбинацию цифр, потом к круглому датчику подносит кончик указательного пальца. - Все. У нас десять минут.

Когда скрытая между скал небольшая хижина с буро-красной черепицей взрывается, охваченная пламенем, и разлетается на обломки, вертолет уже находится высоко в небе. Снова черный дым и пепел. Элизабет вздрагивает, спрятав лицо на плече Джерома, и он мягко обнимает ее в ответ, не произнося ни слова утешения. Сидя рядом, рука в руке, они оба понимают, что в некоторые моменты слова не способны выразить то, что жжет в груди и рвет душу на части. В некоторые моменты, молчание кажется священным и дарующим временную анестезию, действие которой скоро закончится, и тогда придет время разговоров, долгих выматывающих и болезненных.

Беззвучные слезы снова потекли из-под зажмуренных век, но сейчас это были слезы облегчения. Ее жизнь разрушена и покрыта слоем пепла и черной пыли. И только время покажет, хватит ли у нее сил на новые испытания и сможет ли она смириться с понесёнными потерями.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.me/ru/d_aleks/imitaciya-nasmeshka-kupidona

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)